

НИКОЛАЙ СКИБА

УКРОТИТЕЛЬ

Южный Раскол

Николай Скиба

**Укротитель. Зверолов
с Юга. Книга 3.**

«Автор»

2026

Скиба Н.

Укротитель. Зверолов с Юга. Книга 3. / Н. Скиба — «Автор»,
2026 — (Южный Раскол)

Двадцать лет работы с хищниками научили меня - они не прощают суеты. Я погиб в огне, голыми руками вырывая тигра из заклинившей клетки. А очнулся на социальном дне чужого мира, в теле Зверолова по имени Рик. Мой новый дом — «Яма», грязный питомник магических монстров. Местные псевдо-укротители лишь калечат тварей кнутами, превращая их в тупой утиль. Там, где они видят безумного демона из Раскола, я вижу удивительное создание, которое нужно обуздать. Я покажу местной "элите", что такое опыт настоящего укротителя. А для начала — просто монетизирую их мусор, выбью себе свободу и заберу власть в "Яме". Новые главы будут выходить понедельник-среда-пятница.

© Скиба Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	26
Глава 5	34
Глава 6	40
Глава 7	50
Глава 8	56
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Николай Скиба

Укротитель. Зверолов с Юга. Книга 3.

Глава 1

Я вышел из каморки затемно, пока все ещё спали.

Серый поднял голову и посмотрел на меня — через связь я передал: жди, скоро вернусь. Щенок зевнул, положил морду на лапы и закрыл глаза.

В кармане тяжелел исписанный кусок пергамента — мои ночные расчеты. Теория первого года. Восстановление периметра, крепкий лес для загонов, глубокий колодец, чтобы не зависеть от городской воды, и правильная вентиляция. Плюс инструмент и тонны корма на первое время.

Доходы? Ноль в первые полгода. Если повезет — к зиме пойдут заказы от Жала. Я расписал всё до медной монеты, заложив жесткий резерв. Мечта без бюджета — это просто галлюцинация, а я собирался строить предприятие.

Воздух в коридорах Ямы привычно отдавал аммиаком, прелым сеном и гнилой кровью. Вдохнул его как раб этого места в последний раз. Сегодня я покупал себе право дышать другим воздухом.

У ворот Ямы уже стояла повозка.

Двухколёсная, с хитиновыми накладками на бортах и клановой эмблемой Жала на дверце. Возница сидел и что-то жевал, глядя перед собой. Молодой парень, с безразличным лицом человека, который возил пассажиров каждый день.

— От Аэрина, — сказал он, не повернув головы.

Я забрался в повозку, и он тронул. За всю дорогу парень не произнёс ни слова.

Повозка выехала на Главную улицу, прошла через торговый квартал и начала подниматься по мощёной дороге, которая вела к холмам.

Нижний город уже просыпался — слышались голоса торговцев и скрип тележных колёс. Сверху он выглядел как муравейник, который кто-то раздавил и слепил заново из грязи и камня. Верхний же город начинался на подъёме — дома становились больше, улицы шире, и воздух очищался от вони рыбы и навоза.

Замок Клана Жала стоял на вершине холма, и в этот раз я въехал с другой стороны.

Заметил на воротах ковку из хитина скорпиков — тяжёлые пластины были подогнаны одна к другой, как чешуя на боку дрейка.

Повозка въехала во двор, и возница натянул поводья.

Здесь двор замка раскинулся шире, чем весь нижний сектор Ямы. Тёмный камень вымостил двор, в центре бил фонтан, а по периметру тянулась крытая галерея. Слева — конюшня, из которой тянуло запахом дрейков и свежего навоза.

Двор жил своей жизнью. Слуги таскали воду, конюх вываживал осёдланного дрейка вдоль стены, а в дальнем углу, на посыпанной песком тренировочной площадке, двое молодых укротителей-звероловов работали с мантикорой.

Зверь стоял на привязи — его держали две цепи, шлейка на корпусе и огромный самодельный намордник. Клановцы ходили вокруг него и поочерёдно дёргали поводки, заставляя мантикору поворачиваться то влево, то вправо. Стандартное упражнение на послушание, которое я видел в Яме сотни раз.

Мантикора.

Аномальное существо.

Эволюционный индекс - ???

Я задержал на них взгляд, и внутренний сканер щёлкнул сам собой, по привычке. Тварь стояла в полный рост, встряхивала шипастым загривком и переступала лапами по песку. Хотя система не сработала, но мне и не нужен был Анализ, чтобы увидеть то, что бросалось в глаза любому, кто обладает опытом.

Изъян проступил уже за пару секунд.

Мантикора стояла криво. Правый плечевой пояс перетянут и раздут — мышцы бугрились под хитиновыми пластинами, как канаты под тканью.

А вот левый выглядел на треть меньше. Асимметричная гипертрофия, которая означала только одно — зверь тупо компенсирует перекос.

Опустил взгляд на шлейку и увидел причину: левый ремень был затянут на два деления сильнее правого, и хитиновая пластина под ним вдавилась в мышцу, ограничивая амплитуду движения. Мантикора не могла нормально работать левой стороной и перекладывала нагрузку на правую. Сустав принимал двойной вес и медленно разрушался от перегрузки.

Элитный хищник. Стоимость укрощения и кормежки — под тысячу золотых. И это даже без цены самого зверя.

Через год эта тварь станет инвалидом с хроническим артритом. Через два перестанет прыгать, а потом и вовсе ляжет, да не встанет. А клановые спишут её на ингредиенты, не поняв, что убили зверя собственной безграмотностью.

Теперь понятно, зачем я Корфу... Да мои мозги тут и вправду на вес золота.

Я поморщился и отвернулся. Чужие испорченные активы меня не касались. Даже попытаюсь вмешаться — это моментально перевернёт ситуацию на доске, отменит договорённости, и я с Карой останусь не у дел. Готов ли вмешаться, рискнув нашей с сестрой судьбой? Точно нет. У Жала хватало зверей и дураков, которые их калечили. Мои твари — о да, сомнений нет, именно твари — будут жить по другим правилам. Вот это я точно могу сделать, и спасти от глупой участи хоть каких-то зверей.

Слуга в тёмно-синей ливрее встретил меня у входа в главный корпус и молча повёл по коридору. Везде роскошь — стены из того же чёрного камня и факелы в хитиновых держателях. Коридор заканчивался тяжёлой дубовой дверью с бронзовыми петлями.

Слуга остановился, выпрямился и громко произнёс:

— Смотритель Соляного. Рик.

Я ждал, что от такого представления моё сердце ёкнет — где-то на краю сознания сидело детское ожидание этого момента. Чтобы вслух, при клановых, назвали титул.

Всего три слова, и у меня даже дыхание не перехватило. Мозг просто зафиксировал, что статус легализован. Отныне я не подсобник, а юридическое лицо с правом владения территорией, заключения контрактов и ведения дел от собственного имени.

Первый шаг к тому, что было нацарапано углём на хитиновой пластине в моём тайнике. Дверь открылась.

Кабинет барона пах тёмным деревом и старой кожей.

Стены обшиты дубовыми панелями, пол застелен коврами из шкур мантикор — тёмный мех с хитиновыми вкраплениями, который глушил шаги и поглощал звук. Огромный стол занимал центр комнаты, и на нём лежала развёрнутая карта архипелага. Рядом стояли писчие принадлежности, чернильница и бронзовая подставка с печатью Клана.

Корф стоял у стола.

Когда я вошёл, барон сделал шаг навстречу и протянул руку. Мы обменялись крепким сухим рукопожатием. В клановой этикете барон вставал при входе равного. Подсобнику бы кивнули. Зверолову бы предложили сесть. А вот Смотрителю протягивали руку.

Я отметил это и сел напротив.

На столе перед Корфом лежала готовая бумага — плотный пергамент, исписанный ровным почерком клановой канцелярии. Барон подготовился заранее.

— Сразу к делу, Рик. Прочитаю вслух, — сказал он и взял бумагу. — Чтобы потом не было вопросов.

Он читал ровным деловым голосом.

Стартовый капитал — пятьсот золотых единовременно. Территория — посёлок Соляной, бывшие земли Клана Песка, выкупленные за счёт барона. Срок возврата — пять лет. Компенсация сверху — тридцать процентов. Приоритет Клана Жала на все заказы по зверям. И — десять процентов с отдельных статей дохода Соляного в пользу Клана Жала.

Я поднял руку.

— Секунду. Какие ещё десять процентов?

Корф посмотрел на меня поверх бумаги.

— Так работает стандартная практика клана для партнёрских соглашений.

— Мы об этом не договаривались, — сказал я ровно. — Буквально пару дней назад мы обсуждали три варианта при вашем же сыне. Десяти процентов в том разговоре не звучало.

— Эту строку вписывают во все соглашения...

— Стандартная строка, которую вписали после нашего разговора, — я посмотрел ему в глаза. — Барон, я уважаю ваш подход. Но если условия меняются между обедом и подписанием — я хочу понимать, что ещё изменится между подписанием и первым днём работы.

Корф замолчал. Его глаза оценивающе смотрели на меня, будто проверяя на нервную устойчивость.

— Десять процентов — это двойная привязка, — продолжил я. — Я возвращаю вам тридцать сверху за пять лет и одновременно отдаю десятую часть дохода навсегда. Это превращается в аренду, барон. Строю питомник, а вы собираете ренту с чужого труда? Мы так не договаривались.

— Ты хоть знаешь, с кем разговариваешь, сопляк? — холодно протянул он.

Я встал.

Стул скрипнул по каменному полу, и звук разрезал тишину кабинета. Корф не шевельнулся.

— Барон, благодарю за гостеприимство и за предложение. Я ценю то, что вы рассказали мне в прошлый раз, и ценю доверие. Но подписывать бумагу, в которой появились пункты, о которых мы не говорили — не стану. Если хотите продолжить разговор — я готов. На тех условиях, которые обсуждались.

Повернулся к двери.

— Сядь, — сказал Корф.

Пришлось остановиться. Я не сел, но обернулся.

Барон откинулся в кресле и посмотрел на меня с выражением, которое я не сразу прочитал, потому что редко видел его за обе своих жизни. Что-то похожее на тёмное тяжёлое удовлетворение.

— Сядь, зверолов. Десять процентов вычёркиваю. Это была проверка.

Я стоял у двери и чуть склонил голову, сомневаясь.

— Мне нужно было убедиться, — продолжил Корф, — что ты не подпишешь всё, что положат перед носом. Что ты умеешь думать и стоишь на своём. Половина придурков в этом городе плебеев подписали бы, не моргнув — потому что «барон Корф предложил, барону виднее». Ты не стал — это то, что мне нужно видеть в партнёре.

Я вернулся к столу, сел, положил руки на подлокотники и посмотрел на Корфа.

— Раз вам можно пересматривать условия, пусть то и проверка, — сказал я, — хочу внести дополнение. Звери Клана Жала обслуживаются вне очереди. Любой заказ от вас идёт приоритетом перед остальными клиентами.

Корф приподнял бровь.

— Это уже было в наших условиях.

— Не совсем, — я мотнул головой. — Приоритет означает, что если вы приводите мне зверя, я должен бросить всё — свои проекты, других зверей — и заниматься только им. Это ломает мне график и губит работу.

Корф прищурился, ожидая продолжения.

— Предлагаю «Право первого выкупа», — твердо сказал я. — Любой зверь, которого я готовлю на продажу в Соляном, сначала предлагается Клану Жала. По рыночной цене. Если вам не нужно — я продаю на сторону. Вы получаете лучших тварей первыми, а я не ломаю свой рабочий процесс. И при всё этом... я не отказываюсь укрощать тварей, которых вы приведёте на укрощение.

Барон помолчал, барабанив пальцами по дубовой столешнице. В его глазах мелькнуло холодное уважение.

— Зубасто. И прагматично, — хмыкнул он. — Годится. Вписывай.

Я обмакнул перо в чернильницу и добавил строку убогим, но разборчивым почерком.

— Но вот в чём дело, барон. За такое условие у меня есть ещё два дополнения, — сказал я, не выпуская перо.

— Что? — он вскинул бровь, а потом неожиданно громко рассмеялся. — Заставил меня согласиться, чтобы выторговать своё?

— Вы вправе отказаться, именно поэтому я и вписал пункт до того, как попросить вас, — уверенно ответил я.

— А ты неплохой политик, парень, — Корф закинул руки за затылок. Ему явно нравилось происходящее. — Говори свои условия, а я подумаю.

— Первое касается права забрать из Ямы зверя по кличке Притворщик. Зверь сидит в угловой клетке нижнего сектора. Гордей поручил мне с ним работать, но в условиях Ямы это невозможно — тварь слишком сложная. Мне нужны мои условия, моё пространство и мой метод.

Корф нахмурился.

— Гордей...

— Гордей сам назначил меня на этого зверя. Вам нужно лишь сообщить ему, что это в интересах клана. Это закроет любые возражения зрителя.

— Ты собираешься вернуть ему притворщика после укрощения?

— Я верну зверя после работы... если потребуется.

— А если не потребуется? — хмыкнул барон.

— Тогда Притворщик останется в Соляном, где ему лучше. Но формулировку оставим мягкой — «временный перевод для специализированной подготовки». Гордей проглотит.

Корф помолчал, барабанив пальцами по столу. Он хмурился и думал слишком долго.

Чёрт. Придётся добавить.

— Уважаемый барон Корф, — начал я. — Вы сами сказали, что я не глупец. Так позвольте говорить открыто. Я знаю, что пятьсот золотых для питомника — пыль. Мы оба понимаем, что я смогу отдать всю сумму гораздо раньше. Я не знаю, какие цели вы преследуете, но могу догадываться, и дело здесь совсем не в деньгах. Любой гривошип, которого я воспитаю за два месяца, будет стоить минимум восемьсот.

— Думаешь, что так просто получить гривошипа в свой питомник? — покачал головой Корф.

— Нет... сомнений нет, восемьсот золотых стоит лишь воспитание, а не сам питомец. И новому питомнику таких редких зверей не дадут — ко мне нет доверия. Но у меня уже есть план, как доказать свои навыки. Да и мы знаем, что контракт у нас не на полгода.

В этот момент наступила тишина. Корф сосредоточенно думал, глядя в потолок, но затем уверенно кивнул.

— По притворщику решили. Гордей будет в курсе ещё до того, как ты вернёшься в Яму. Что за второе условие?

— Право забрать двух человек из состава подсобников Ямы. Мне нужны укротитель по прозвищу Шип и подсобник по имени Танис. Оба пойдут со мной в Соляной.

— Гордей потеряет двух работников...

— Да, — я хмыкнул. — Потеряет укротителя с больной рукой и Пустого, который подметает коридоры. Замену найдёт за день. А мне они нужны.

— Зачем?

— Куда уж я без работников, верно?

Корф посмотрел на меня долгим взглядом.

— Договорились. Но рекомендую остановиться на этих пунктах.

Я молча поставил свою подпись на документе. Корф ещё раз всё перечитал, взял печать с подставки и вдавил горячий воск в нижний край бумаги.

Барон положил бумагу передо мной.

— Теперь ты официально стал Смотрителем Соляного.

Я взял бумагу и убрал во внутренний карман.

Корф откинулся в кресле и посмотрел в окно. За стеклом виднелся двор, где клановцы продолжали мучить мантикору перетянутой шлейкой.

— Скажи мне одну вещь, Смотритель, — произнёс он, не отрывая взгляда от окна. — Гордей семь лет ходит у меня в должниках. Он трусит и жадничает, но остаётся предсказуемым. Ты его каким-то образом прижал — я не знаю, каким, но прижал. Расскажешь?

— Нет, — ответил я.

Корф повернулся и посмотрел на меня.

— Опасно ты себя ведёшь, Рик, ох как опасно. Тебе повезло, что ты общаешься с бароном клана Жала, а не с Камнем или Хвостом, например. Будь осторожен. Но... ты всё делаешь правильно. Человек, который не сдаёт свои козыри за чужим столом, вызывает доверие. Но это доверие всё равно приходит со временем. Учти одну вещь, Смотритель, и запомни её накрепко.

Он подался вперёд и положил локти на стол.

— Не вздумай добивать Гордея. Не используй то, чем прижал. Знаешь, что произойдёт, если его снимут? Совет пришлёт нового надсмотрщика. Голодного, чужого и неподконтрольного. А Гордей работает как понятный механизм — жадничает, трусит, но ведёт себя предсказуемо. Пока он сидит на своём месте — я знаю, чего от него ждать. Оставь его там, где сидит. Считай это ещё одним негласным договором между нами.

Корф выдержал паузу и добавил тихо:

— Лучше тебе сейчас не спорить.

Я кивнул, но не потому что испугался. Просто Корф мыслил холодно и без иллюзий — как я. Гордей оставался на месте, потому что известный враг дешевле неизвестного.

Барон встал. Наш разговор закончился, и я вышел за дверь.

Следом меня ждал сюрприз — у выхода из главного корпуса стоял Аэрин.

Мальчик опирался на трость и смотрел на гравийную дорожку, которая вела через внутренний сад к боковым воротам замка. Когда я вышел, он молча кивнул и медленно пошёл рядом, при этом подстраиваясь под собственную хромоту. Трость ровным ритмом постукивала по гравию.

Сад замка Жала выглядел иначе, чем двор. Здесь росли южные выющие кусты — тёмно-зелёные лозы с мелкими жёлтыми цветами, которые оплетали каменные арки и тянулись к свету. Пахло нагретой листвой и почему-то мёдом. Тишина стояла такая, что исчезли и рёв зверей, и голоса подсобников — остались только гравий под ногами и стук его трости.

Аэрин очень долго молчал — несколько минут. Шли по дорожке, и я не торопил. Мальчик собирался с мыслями, и спугнуть его не хотелось.

— Вы подписали, — сказал он наконец. Голос звучал очень тихо, без вопросительной интонации.

— Подписал.

Аэрин кивнул и замолчал ещё на полминуты. Потом заговорил — и вовсе не о договоре.

— В клане меня считают калекой. Наследник, которого покалечил зверь — это позор для такого сильного клана, как наш. Укротитель должен стоять, держать цепь и ломать зверя голыми руками. А я хожу с палкой и читаю книги.

Он произнёс это без жалости к себе, показывая, что этот факт давно перестал ранить.

— Совет клана терпит меня, потому что отец — барон, но веток наследства в клане много. Если бы я родился в младшей ветви, меня давно бы списали в архив, как Дарена. Интересно, как он стал Пустым, но я не буду задавать вам этот вопрос, Рик. А что касается меня... то я просто хромой мальчик — бесполезный материал для клана, который функционирует на силе.

Мы прошли под каменной аркой, увитой лозой. Жёлтые цветы качнулись над головой.

— Но книги дали мне то, чего нет ни у одного бойца Жала, — продолжил Аэрин. — Образование. Папа любит меня и доверяет, так что я знаю все расчёты клана. Все доходы, расходы, долги, все сделки за последние семь лет. Я знаю, кто сколько должен Совету, кто платит вовремя и кто прячет золото от налогов. Отец думает армиями и территориями, а я — цифрами.

Он остановился посреди дорожки и повернулся ко мне. Тёмные глаза смотрели без юношеского пафоса или желания произвести впечатление.

— В тех монетах, которые выписал вам отец, двести принадлежат лично мне. Из ресурсов, которые я копил.

Я остановился, не в силах поверить в то, что услышал. Четырнадцатилетний парнишка имеет такую сумму?

— Отец об этом знает?

— Знает, что я вложил деньги. Но считает, что это жест поддержки. На самом деле именно я уговорил его на Соляной. Он хотел предложить вам второй вариант — партнёрство. Обойтись малой кровью. Третий вариант придумал я. Отец согласился, потому что...

Аэрин прервал речь, опёрся на трость и чуть наклонил голову.

— Если дело выгорит — я докажу клану, что не бесполезен. Мальчик с книгами приносит больше золота, чем десять бойцов с цепями. Чем все их звери. Что я МОГУ быть полезен. Это изменит моё положение.

— Всё может случиться и по-другому, Аэрин, — спокойно заметил я.

Он помолчал.

— Если прогорите — мне ничего не грозит, потому что отец просто закроет на это глаза. Ваш Соляной для него — не больше игрушки для щенка. Но вы останетесь должны двести золотых лично мне. И их придётся отдать, понимаете?

Я смотрел на этого мальчика с тростью и пересчитывал расклад, который только что изменился.

Минуту назад я думал, что завишу от одного человека — барона Корфа. Старый политик, который играл в долгую. Теперь я зависел сразу от двух представителей клана. Ещё десять минут назад думал, что переиграл их, а оказывается всегда был позади.

Но в этой привязке лежала и возможность. Аэрину нужен был успех Соляного так же, как мне. Мой питомник становился его козырем в клановой политике. Если я строил — он рос. Если я падал...

Ход казался умным, расчётливым, холодным и абсолютно взрослым.

Этот парень оказался опаснее Дарена с его истериками. Тот действовал на гормонах и увязлённом эго. У Аэрина же внутри работал холодный разум.

И, чёрт возьми, мне это нравилось. Никаких клановых понтов. Чистый, кристально понятный капитализм. Асимметричная ставка — он рискует золотом ради статуса, я рискую шкурой ради свободы. Идеальный деловой партнер.

Я молча протянул ему руку.

Аэрин посмотрел на мою ладонь. На секунду в его глазах мелькнуло облегчение — быстрое, как выдох после долгой задержки дыхания. Он ждал этого жеста.

Узкая ладонь с жёсткими мозолями от набалдашника трости легла в мою. Хватка у него оказалась неожиданно цепкой.

— Сработаемся, инвестор, — коротко кивнул я, и он, неожиданно, смущённо улыбнулся.

А когда я вернулся к Яме, прямо у ворот меня ждал Гордей.

Стоял, скрестив руки на груди, и смотрел, как я спрыгиваю с повозки. Лицо держал каменным, но глаза бегали — влево-вправо, по двору, по подсобникам, которые тащили мешки и делали вид, что не смотрят. Конечно, он уже знал. Даже если бы Корф не предупредил, он бы всё равно знал.

В этом городе новости доходили до смотрителя Ямы быстрее, чем до Совета — старикан кормил информаторов на каждом углу, и кто-то наверняка успел бы передать.

Я спокойно прошел мимо него, направляясь в Яму.

— Вот так ты идёшь мимо того, кто не похоронил тебя? — негромко, сквозь зубы процедил смотритель мне в спину. В его голосе звучала ядовитая злоба Смотрителя, у которого из-под носа уводят деньги.

Я остановился и вполоборота посмотрел на него.

— Не думай, что ты выскочил, Рик, — Гордей нервно дернул щекой. — Соляной — это тебе не Яма. Там налоги, проверки Совета, санитарные нормы. Восстановление питомника, корм, отсутствие зверей и гнильё вокруг. Я посмотрю, как ты запоешь, когда к тебе придут особенные люди. Ох, а ты не знал? Да-да, содержать питомник — это не жрать дерьмо, будучи подсобником, когда не о чем переживать. Впрочем, жрать дерьмо здесь — это одно. А там тебя сожрут вместе с ним.

Я ничего не ответил. Лишь кивнул, подтверждая его слова, и шагнул в полумрак коридора.

Пусть думает, что напугал. Как и сказал Корф: предсказуемый враг — это удобный враг. А у меня впереди было слишком много работы, чтобы тратить время на мертвецов.

Но он не отпустил меня.

— Не смей отворачиваться от меня, ПОДСОБНИК! Сейчас ты пойдёшь ко мне в кабинет, и мы всё обсудим.

— Хорошо, что ты это сказал, Смотритель «Ямы», — жёстко ответил я. — Веди. У меня как раз к тебе разговор.

Друзья, если вам нравится мой цикл, куда, уж поверьте, я вкладываю душу, поставьте этой книге ваши 5 звёзд! Благодарю!

Глава 2

Кабинет смотрителя не изменился — Гордей сел за стол и положил руки на столешницу ладонями вниз. Жест, который я уже видел у Корфа. Только у барона он означал переход к делу, а у Гордея означал контроль территории.

— Садись, Смотритель, — сказал он.

Первый раз за все месяцы в Яме Гордей назвал меня не «подсобник». Титул прозвучал без издёвки — Смотритель «Ямы» признавал новый статус, потому что за всем этим стояла печать Жала, а с ней он воевать не мог.

Я сел.

Гордей открыл верхний ящик стола и достал бумагу.

Я сразу узнал её. Пергамент с печатью Ямы — обвинение в дезертирстве во время Прилива.

Гордей развернул бумагу и положил на стол.

— Это не забыто, — сказал он. — Но лежит у меня в сейфе. И будет лежать. Но вот что... ты когда-нибудь останешься без Жала за спиной. И всё поменяется. Не думай, что я буду терпеть конкуренцию другого питомника.

Он откинулся в кресле и ухмыльнулся.

Я перевёл взгляд на Гордея.

— У меня тоже кое-что припрятано. И ты это знаешь.

Ухмылка дрогнула. Смотритель помнил, как именно я прижал его, он не забыл ни на секунду.

— Паритет, Гордей, — сказал я ровно. — Мы ничего не можем сделать друг другу. Так что давай-ка перейдём к торговле активами.

Спесь стекла с лица Гордея, как вода со стекла. Он свернул бумагу, убрал обратно в ящик и защёлкнул замок. Руки легли на стол — на этот раз без ухмылки.

— О каких активах говоришь? — старик сделал вид, что не понимает, о чём речь.

— Думаю, ты в курсе, раз получил весточку от Корфа. Мне нужны три зверя. Из списанных. Хром, Близнецы и Притворщик.

Гордей поднял бровь.

— Хром стоит двадцать золотых. Породистый дрейк стоит дорого, даже если старый.

— Старый? Любопытно. Дам пятнадцать, — ответил я. — Он не старый, просто с артритом правой задней лапы, вот вы его и списали. Потому что никто не взялся лечить. Шкура выпцветшая, двигается медленно. Он жрёт пять кило мяса в день, а усваивает едва ли половину. Остальное вываливает в виде зловонной жижи, которую за бесплатно убирает моя сестра. Ты сам поставил на нём крест. Пятнадцать даю только в знак уважения. Готов забрать проблему с твоих рук.

— Восемнадцать.

— Пятнадцать. Ты получаешь золото за зверя, которого собирался пустить на мясо. Или оставь его себе и корми до весны.

Гордей стиснул челюсть, но посчитал и кивнул.

— Пусть будет пятнадцать, но Близнецы уйдут за десять.

— Смотритель, — я мило улыбнулся. — Пять — это предел. Они же инвалиды, которых никто не берёт. Ты каждый день кормишь их за свой счёт и планируешь отправить на забой. Вливаешь в них еду, а на выходе получаешь только вонь. Пять золотых.

— Отдам за семь.

— Пять.

Гордей посмотрел на меня — он явно не ожидал, что я буду торговаться лучше, чем он думал. Потом устало выдохнул.

— Забирай. Что там ещё?

Я кивнул.

— Притворщик. Он уходит со мной. Временный перевод в Соляной, без оплаты.

Взгляд Гордея на миг дрогнул, и он поднял глаза.

— Ты забираешь Притворщика бесплатно?

— Что тебя так испугало? Нет, просто без оплаты с обеих сторон. Я забираю зверя, которого ты поручил мне. Готовить его в Яме невозможно — тварь слишком сложная для здешних условий. В Соляном я обеспечу пространство и метод. Если потребуешь вернуть — верну.

— При чём тут оплата? Ты должен мне, Рик! — выпалил Гордей, ударяя ладонями по столу. — Обязан обуздать эту тварь!

— Обуздаю. А насчёт оплаты... Ты заплатишь мне достойно, как в тот раз, с Гривошипом, — ровно ответил я.

Гордей скривился.

— Зверь числится за Ямой. Ты обязательно вернёшь его! А насчёт денег... Сколько?

— А это зависит от сложности, — я усмехнулся, когда конкурент побагровел. — Я ведь больше не подсобник. Смотритель «Соляного». Ты либо принимай условия, либо забирай свою тварь и работай с ней сам.

Конечно, я блефовал — мне был очень интересен Притворщик. Но Гордей только что напрягся, а значит ему важно, чтобы этот таинственный зверь наконец-то вёл себя спокойно.

На том и сыграем.

— Ладно, — процедил он. — Это ведь всё?

— Странно, что ты так думаешь, ведь я уверен, что ты знаешь о наших договорённостях с Корфом, — напомнил я. — Забираю двух человек — укротителя Шипа и подсобника Таниса. Вычеркни их из ведомостей. Заплачу.

Я положил две монеты на стол.

— Стандарт.

Гордей посмотрел на серебро.

— Шип мне не нужен, — сказал он и голос его слегка расслабился — Смотритель пытался сохранить лицо. — С его рукой он работает, как тряпка. Что ты так на меня смотришь? Думаешь, я не знаю, что происходит в «Яме»? Касаемо Таниса — это пустой старик, который скоро сдохнет. Забирай обоих, я найду замену за день.

Он выдвинул ящик, достал три бланка и начал заполнять. Перо скрипело по пергаменту, и Смотритель оформил всё. На отдельном листе вычеркнул Шипа и Таниса из ведомостей, затем поставил подпись и печать Ямы на каждой квитанции.

Я пересчитал двадцать золотых из мешочка и положил на стол. Забрал бумаги и сложил в карман, к договору с печатью Жала.

— Приятно вести дела, Гордей, — сказал я и встал.

— Больше не используй клан Жала, Рик, — ответил он. — Это был первый и последний раз. Предупреждаю тебя.

Не стал ему отвечать. В глазах старика работал калькулятор, который прикидывал, сколько стоит новый Смотритель Соляного и как дорого обойдётся с ним воевать.

Вышел из кабинета и закрыл за собой дверь.

Да плевать на него. Сегодня мы здесь последний день.

В кармане лежали три квитанции и договор. Потратился, конечно, изрядно — осталось лишь два золотых и мелочь. Но оно того стоило.

Теперь самое сложное — убедить этих двоих пойти со мной.

Шип доверял мне руку, но не доверял будущему. Укротитель привык к Яме, как к тюрьме. Сорвать его с места означало сломать единственную рутину, которая держала его на ногах.

А Танис — тихий старый Пустой, который подметал коридоры — вряд ли верил, что кому-то нужен за пределами Ямы. Люди, о которых давно позабыли, редко верили в то, что нужны кому-то.

Я шёл по коридору нижнего сектора и думал, какие слова подобрать для каждого из них. Для первого нужен аргумент силы — работа, задача и самое весомое: рука, которую было обещано лечить. И кто это будет делать, если мы с сестрой покинем «Яму»?

Что касается Таниса, тут нужен совсем иной подход — аргумент тишины, места, где старик мог быть полезен по-настоящему. Где его знания перестанут гнить в коридорах.

По дороге к Шипу я завернул в каморку за Карой.

Сестра убирала одну из клеток нижнего сектора.

— Пойдём со мной, — сказал я. — Расскажу по дороге.

Та посмотрела на моё лицо и даже не спросила «куда» — прочитала по глазам, что дело серьёзное.

Мы шли по коридору нижнего сектора, и я рассказал всё, о чём мы договорились с бароном. Даже про Аэрина и его двести золотых.

С каждым предложением шаг Кары замедлялся. К концу она остановилась посреди коридора.

— Шип? Ты уверен?

— Ещё как. Человек, которому ты дал второй шанс на жизнь, может быть очень полезен, Кара.

— И зачем ты договорился с Гордеем, если ещё не знаешь, согласятся ли они?

— Зачем мне сотрясать воздух? — спокойно ответил я. — Пообещать, а потом что-то пойдёт не так? Уж лучше так.

Она смотрела на меня секунд пять, потом выдохнула и покачала головой.

— Что ж, хорошо, я ведь обещала не ставить палки в колёса... Когда выходим?

— Завтра нас отвезут. Но Таниса ты знаешь лучше меня — он тебе доверяет. Поэтому идёшь со мной. Нойс со зверями?

Кара кивнула. Мы пошли дальше.

Каморка Шипа располагалась в верхнем секторе — там, где жили штатные укротители, а не подсобники. Я бывал здесь редко и каждый раз отмечал разницу. Хоть стены и оставили голым камнем, но окна были настоящие, с рамой и стеклом, через которое падал вечерний свет.

У них даже была отдельная кровать, стол, табурет, полка с инструментами. На полке стояли склянки с мазями, пучки сушёных трав и старый потемневший скребок, как напоминание о том, с чего он начинал.

Шип сидел на кровати с закатанным рукавом. Левая рука лежала на колене и выглядела скверно — предплечье распухло от локтя до запястья, кожа побагровела, вокруг старого шрама проступили синюшные пятна. Я предупредил, что после разработки узла руку раздует.

Укротитель был не один.

Танис склонился над его рукой, и осторожно втирал густую мазь в опухшую кожу. Старик работал тихо, мягкими круговыми движениями, а Шип сидел с закрытыми глазами, стиснув зубы.

— Заходите, — бросил укротитель, не открывая глаз. Узнал нас по шагам. — Рик, если ты пришёл опять ломать мне руку — подожди до завтра. Сегодня я тебя сам сломаю.

— Ты прав, для руки ещё рано, — я улыбнулся и вошёл. — Но мы пришли поговорить о другом. С вами обоими.

Шип открыл глаза. Танис поднял голову. Оба посмотрели на меня и сестру.

— Говорить буду сразу и по делу. Я подписал договор с бароном Корфом. Получил стартовый капитал и территорию. Теперь перед вами смотритель посёлка Соляной. Буду развивать свой питомник.

Тишина продержалась три секунды.

— Что ты сказал? — переспросил Шип и сел ровнее. Боль в руке тут же забылась. — Ты стал Смотрителем?

— Тебе документ показать?

Он посмотрел на меня так, словно я заявил, что умею летать.

— Подсобник из нижнего сектора стал Смотрителем? — укротитель покачал головой. — Сколько живу Яме — такого ни разу не видел.

Танис молчал, но его выпуклые глаза смотрели с острым вниманием.

— Гордей подписал ваш перевод из Ямы, — продолжил я. — Пришёл спросить, пойдёте ли вы со мной.

— Ты... что? — ошарашенно спросил Танис.

Слова без бумаги стоили ноль. Зачем обещать Шипу место в питомнике? Пока Гордей не подписал перевод — означало соврать. В Яме этих людей научили одному — не верить словам. Поэтому я сначала принёс документы.

Шип посмотрел на свою опухшую руку и медленно согнул пальцы. Потом перевёл взгляд на меня.

— Это ты решил, что такой крутой, да? Что просто можешь распоряжаться чужими жизнями? — он начал подниматься, распыляясь всё больше. Здоровая рука сжалась в кулак. — Знал, что мне тяжело будет отказаться?

Я даже не шелохнулся. Просто перевёл взгляд на его левую руку, затем снова посмотрел в глаза.

— Сядь, Шип. Не трать адреналин, он тебе для работы понадобится, — сказал ровно. — Я не распоряжаюсь твоей жизнью. Предлагаю контракт. Ты укротитель, который теряет хватку из-за фиброза тканей. Я — единственный в этом городе, кто знает, как разорвать этот фиброз и вернуть тебе работоспособность. Мне нужен укротитель, тебе нужна здоровая рука и статус. Ничего личного, все в выигрыше.

Шип замер. Мой спокойный тон сбил его агрессию лучше любого удара. Он медленно опустился обратно на кровать, тяжело дыша.

— Условия ставлю свои, — жёстко сказал Шип.

— Слушаю.

— Первым делом ты лечишь мне руку по-настоящему. Дашь этот свой «эспандер» или как ты там его назвал. И разработку делаешь каждые три дня, как обещал. Обойдёмся без отговорок и без «потом».

— Легко. Дальше.

— Второе касается статуса. Подсобником я ходить не собираюсь. В Соляном буду мастером-укротителем — с правом голоса в решениях по зверям и по мастерской. Ты советуешься со мной, а не приказываешь. Я много лет работал с тварями. Спору нет, ты знаешь много, но прогибаться я не буду.

Я выдержал его взгляд. Ну хорошо, Шип, думай так, потом сам поймёшь, что ты только начал свой путь настоящего укротителя.

— Согласен.

— Последнее, — Шип помолчал. — Если через полгода мне не понравится — уйду и забираю своё, плюс запас еды на месяц. Долгов за мной не останется, и претензий не предъявляешь. И заплатишь сверху. За то, что потратил моё время.

Это прозвучало как ультиматум, и я видел, что Шип говорил серьёзно. Укротитель боялся зависимости. Всё время в Яме он зависел от Гордея, и этот опыт отравил его доверие. Он пытался оставить себе запасной выход, чтобы не оказаться в новой клетке.

— Это выполнимо, — сказал я. — Но денег сверху ты не получишь. Не спорь Шип, тут ты перешёл грань, сам знаешь.

Он хмыкнул и сразу же протянул правую руку. Я крепко пожал её, без подыгрывания. Рука укротителя сжалась намертво.

Кара тихо кивнула, стоя у двери. Шип перевел на неё взгляд, затем снова посмотрел на мою ладонь.

— Сработаемся, Смотритель, — коротко бросил укротитель. — Дай мне полчаса собрать инструмент.

Отлично, оставался ещё один.

Я сел на табурет напротив Таниса.

— Послушай. Ты свободен от Ямы. Мы с Карой предлагаем тебе место в Соляном — кров, еда и работа со зверями.

Танис медленно поставил склянку на полку и тяжело сел на край кровати Шипа.

— Зачем я тебе сдался? — спросил он тихо. — Зачем тебе старик, который еле ходит?

— Потому что ты знаешь то, о чём многие даже не подозревают. Или не придают значения. Циклы размножения, корма, травы, болезни. Мне нужна твоя голова, Танис.

Пустой с грустью опустил взгляд на свои старческие руки с набухшими венами. На левом запястье, привязанная тонким кожаным шнурком, висела маленькая золотистая чешуйка. Кара вдруг увидела её и тихо вздохнула.

— Мою гончую звали Рыжая, — сказал дед, не поднимая головы. — Она дослужилась до четвёртой ступени. Мы были едины целых двадцать два года.

Он замолчал. Пальцы коснулись чешуйки и погладили её.

— Моя девочка погибла на Приливе. Клан приказал послать зверей на восточную стену, и мою гончую поставили в третью линию обороны. Я просил оставить — она не предназначена к этому, у неё слабая защита против воздуха. Клановый командир сказал, что каждая тварь на счету. Рыжая продержалась четыре часа. Потом её раздавила огненная виверна. Ей хватило четырёх секунд.

В каморке повисла тишина. Кара не двигалась. Я видел, как её рука сжалась в кулак — сестра думала о Сирке.

Танис поднял глаза.

— В тот день я стал Пустым. Чёртовы острова туманов. Связь оборвалась, и метки погасли. И тогда я понял — клан считает зверей расходным материалом. Им ничего не нужно. Я так не мог...

— Опять ты завел свою шарманку про Прилив, старый, — поморщился Шип. — Хватит душу мотать.

— Пусть говорит, — жёстко оборвала его Кара.

Танис тяжело вздохнул и выпрямился на кровати, глядя мне прямо в глаза.

— Ты говоришь про место в Соляном, а я слышу про место, где зверей всё равно выращивают на убой, как в Яме. Так правильно я слышу или нет? Просто ещё одна клетка. Только другая вывеска.

— Давай смотреть на мир трезво, старик, — я подался вперёд, опираясь локтями о колени. — Я создаю свой питомник. Мы не сможем спасти всех, да я не собираюсь этого делать. Но не позволю калечить тварей из-за тупости и лени. Хром и Близнецы уже едут со мной, потому что мы сможем их вылечить и поставить охранять периметр. Это выгодно.

Танис поднял на меня понимающий взгляд.

— Мне не нужна твоя вера в светлое будущее, — продолжил я жёстко. — Нужен опыт. Ты знаешь, как принимать роды у виверн. Знаешь, как пахнет гниль в корме до того, как зверь отравится. Твои мозги — это ресурс, который здесь, в Яме, просто гниёт.

— Удивлён-удивлён, — пробормотал Танис. — Тогда тоже скажу прямо, как умею. Нечего мне артачиться и не идти за вами. Да и бойца из меня не выйдет. Но ты прав, Рик, я помню очень многое. Однако знай, что скоро я сдохну.

— Танис... — начала было Кара, но я вскинул руку.

— Значит, у тебя ещё есть время, чтобы передать нам всё, что знаешь. Хочешь сдохнуть с метлой в руках — оставайся. Хочешь уйти, копаясь в правильных рационах и чистых вольерах — собирай вещи. Завтра утром мы уезжаем.

— Хочу сдохнуть, работая со зверями, а не только выгребать дерьмо. Берёте мои мозги на этот срок?

— Беру, — кивнул я.

Танис коротко ударил узловатым кулаком по столу.

— Тогда не смею отказываться!

Потом посмотрел на Кару.

— Девочка, я присмотрю за твоей гончей. Она у тебя хорошо работает. Всему научу!

— Спасибо, — ответила Кара.

— Вам спасибо, — Танис кивнул и медленно вышел, шаркая подошвами по каменному полу. Чешуйка «Рыжей» покачивалась на запястье.

Мы кивнули Шипу и пошли в свою каморку.

Кара тихо сказала:

— Уверен, что старик потянет? Он еле ноги волочит.

— Потянет, — ответил я. — Ему же не нужно бегать. Просто смотреть и думать. А физическую работу сделаем мы с тобой и Нойс. Шип тоже в стороне не останется. Да и других работяг наймём.

Кара не ответила.

Спустя пять минут, оказавшись в нашей каморке, я достал из тайника ту самую хитиновую табличку, на которой было выведено одно слово — «Соляной».

Теперь это не просто слово. В будущем питомнике уже появился персонал и подопечные.

Не знаю почему, но внутри меня всё трепетало. Я воспринимал восстановление питомника и будущие проблемы как вызов, которого мне всю жизнь не хватало.

В прошлой жизни бюрократы всегда ставили мне палки в колёса. В этом мире я сам стал законом на своей территории.

Выбросил пластинку.

Уже завтра утром мы увидим наш новый дом.

Глава 3

Утро переезда выдалось серым и прохладным.

Я вышел во двор Ямы затемно и застал уже привычную суету, только сегодня она шла за воротами. Подсобники таскали наши тюки к повозке Жала. Рядом с ней темнела вторая — эта была крытая и глухая, с плотным пологом на бортах. В ней повезут Притворщика.

Аэрин ждал у первой повозки. Он опирался на трость и смотрел, как идёт погрузка. За его спиной стояли четверо охранников в лёгкой броне клана. Барон прислал за нами сына с сопровождением, и это говорило о многом.

Я подошёл к Хрому, которого Шип вывел несколько минут назад.

Дрейк стоял у стены на длинной цепи и переступал с лапы на лапу. Вчера ночью я прощупал ему сустав, размял артритную лапу тёплыми руками и скормил миску мяса, подогретого до температуры тела. Зверь запомнил это облегчение и теперь тянулся ко мне мордой, а не шарахался, как от клановцев.

Получено опыта: +5.

Система, конечно, наградила, но...

Я открыл интерфейс.

Класс: Укротитель.

Эволюционный индекс: G.

Уровень: 9.

Опыт: 5/250

Зверь Духа: пепельный шакал. Отголоски: 0.

Анализ (F) (Очков вложено — 5). **Прогрессия:** 380/400. **Параметры:** пульс, частота дыхания, температура тела, мышечный тонус (детализация по группам), гемодинамика.

Ветеринар Юга — Доступ к локальной биологии открыт.

Очков улучшений: 0

Внимание! Страж Порога — заблокировано.

Доступна прогрессия Зверолова. Индекс F.

Доступен Бестиарий Зверя Духа.

Как же много мне нужно изучить, и как же не хватает времени. Но я мыслил холодно — Серый ещё совсем щенок, так что запас имеется. К сожалению, нужно расставлять приоритеты правильно.

Так что... расслабляться рано. Транспортировка зверей — всегда стресс. Вот, что сейчас важно. Но и откладывать свою прогрессию далеко не будем.

Взглянул на Хрома.

Пульс: 58.

Частота дыхания: 14.

Температура: 38.2.

Мышечный тонус. Передний плечевой пояс: 71%. Длинные разгибатели спины: 64%. Правая задняя лапа: 47%.

Ветеринара Юга лёг поверх контура зверя. Сосуды тянулись ровными красными нитями, без свежих кровоизлияний. А вот в правой задней лапе, вокруг сустава, оранжевые линии стихийного канала бледнели и путались — старое воспаление держало это место в осаде. Всё осталось как вчера. Ночь дрейк пережил спокойно, и дорогу выдержит.

— Хорошо, — сказал я и кивнул. — Поедешь тихо.

Кара с двумя подсобниками закатила клетку с Близнецами. Эти двое тесно жались друг к другу за прутьями, но до Соляного ехать не так уж долго, потерпят. Сирка держалась у ноги сестры и коротко рычала на чужих охранников, пока хозяйка не осадил её ладонью.

Серый свободно шёл рядом со мной, без цепи или поводка.

Щенок хромал на переднюю лапу и держался вплотную к моему сапогу, обнюхивая незнакомые запахи двора. Через связь до меня доходила ровная волна — он чуял мою собранность и оставался спокойным. Я опустил на него взгляд и поймал себя на мысли, которую отгонял уже вторую неделю.

С моменты Зова прошло уже достаточно времени, а собственным зверем духа я не занимался. Серый оставался щенком со спящими корнями, и само собой это не изменится. В Соляном я наконец займусь этим вопросом вплотную. Мой главный козырь пока был бесполезен.

Нойс тащил к повозке свой узелок — прижимал его к груди обеими руками, будто там лежало золото. Я знал, что внутри — деревянная ложка, застиранный платок и обломок таблички с гербом Песка. Про ложку Каре рассказал тот человек, что привёл Нойса к нам — она осталась от матери мальчика, единственная вещь из прежнего дома. Нойс молчал, как всегда, но эти три предмета не выпускал из рук. Я не трогал их.

Шип подошёл с двумя ящиками инструментов и длинным кожаным футляром через плечо.

— Это всё моё, руками не лапать, — бросил он подсобнику, который потянулся помочь. Укротитель прижимал футляр здоровой рукой, а больную держал согнутой. — Рик, ящики я сам поставлю.

— Ставь, где хочешь, — ответил я.

Танис шёл налегке. У старика за спиной висела тощая котомка, в которую уместилась вся его жизнь. Больше ничего не было. Он оглядел двор Ямы долгим взглядом, потом отвернулся и полез в повозку, не сказав ни слова.

Я обошёл груз и проверил каждую единицу. Хром стоял на цепи у задка первой повозки. Клетка Близнецов держалась на затянутых ремнях. Крытая повозка с Притворщиком стояла запертой, и полог не пропускал ни лучика — тварь ехала в темноте, чтобы горожане на улицах не пялились и не гадали, что за зверя везёт бесклановый выскочка.

Аэрин дождался, пока я закончу обход, и качнул головой в сторону главного корпуса.

Я проследил за его взглядом. Вдалеке стоял Гордей. Он скрестил руки на груди и смотрел на нас молча. И проводить, конечно, не вышел.

— Он даже не подойдёт, — тихо произнёс Аэрин. — Считает убытки.

Мальчик перехватил трость поудобнее.

— Раньше вы были его подсобником, Рик. Работником, которого он использовал. Теперь вы стали его первой настоящей проблемой. С сегодняшнего дня Гордей будет считать вас конкурентом, а конкурентов такие люди не прощают.

— Знаю, — ответил я.

Больше ничего не добавил. Во взгляде смотрителя читалось начало долгой тихой войны. Пусть смотрит.

Я отвернулся.

— Грузимся, — сказал команде. — Все расселись?

Кара кивнула из повозки, придерживая Сирку. Танис сидел в углу, Нойс жался к нему со своим узелком. Шип втащил последний ящик и опустился на скамью, пристроив больную руку на колене. Серого я посадил к себе — щенок неловко перевалился через борт и устроился у моих ног.

Аэрин забрался в первую повозку, охранники разошлись по местам вдоль колонны.

Возница тронул поводья и повозки медленно покатали к воротам Ямы.

Я наблюдал за просыпающимся городом.

Торговцы сгружали с телег корзины с рыбой и зеленью, из труб пекарен валил дым и тянуло горячим хлебом, зазывалы драли глотки у лавок, расхваливая товар. Колёса стучали по брусчатке, и весь этот шум катился следом за нами.

Сестра разглядывала улицы с непривычным вниманием. Раньше она ходила по городу подсобницей — прижималась к стенам, уступала дорогу, глядела под ноги и просила не привлекать внимания. Сегодня она ехала в клановой повозке и смотрела на торговцев сверху. Я поймал этот новый разворот её плеч и ничего не сказал.

Нойс прилип к другому борту и таращился на всё подряд. Танис дремал, привалившись к стенке, а Шип сидел прямо и смотрел в одну точку.

Дорога пошла под уклон, к юго-западу, и город вокруг начал редеть.

Лавки сменились глухими складами, потом пустырями, а людей на улицах становилось всё меньше. Мы спускались к реке Ахир, которая отделяла обжитую часть города от заброшенной окраины. За рекой, между водой и старой южной стеной, и лежал Соляной.

— Приехали, — выкрикнул из первой повозки Аэрин.

Мы остановились у пролома в низкой каменной ограде, и я спрыгнул на землю.

Будущий питомник встретил нас тишиной. После городского гвалта это безмолвие давила на уши — ни голосов, ни зверья, ни стука колёс... только ветер над пустырём.

Горожане звали это место мёртвой землёй.

Одни болтали про призраков клана Песка, другие про проклятую землю, третьи божились, что тут всё лежит на костях. Я в призраков не верил, но понимал, откуда взялись слухи.

Я оглядел территорию.

Три гектара земли обнимала низкая каменная стена высотой мне по макушку. Кладка стояла кое-как — местами осыпалась, где-то вываливалась целыми кусками. Хуже всего досталось северо-восточному углу: огромный полоз прошёл вдоль Ахира и снёс там несколько метров стены, оставив голый пролом с грудой камня под ним. Периметр придётся чинить первым делом. Без стены любой зверь уйдёт за стены. А любой конкурент проникнет. Это слабость, которую нужно устранить.

Через центр участка тянулась заросшая тропа. Бурьян пробил её насквозь, дожди размыли колею, и под травой угадывались провалы. Я прошёл по ней к главному дому.

Двухэтажный, каменный, сложенный из тёмного вулканического камня он потемнел и оброс лишайником. Западное крыло просело: крыша над ним провалилась на треть, стропила торчали наружу. Восточная половина держалась крепче.

— Питомник Песка стоял мёртвым ещё до Раскола, — сказал Аэрин, подходя сзади и постукивая тростью по тропе. — Несколько лет. Дела у клана шли худо и хозяйство просто бросили. Прилив только добил то, что уже гнило.

Я кивнул. Многого встало на свои места. Запустение тут копилось годами. У этого места было общее ощущение того, что жизнь ушла давно и без спешки.

— Значит, восстанавливать буду с фундамента, — произнёс я. — Тем лучше. Меньше чужих ошибок переделывать.

Дальше мы обошли постройки одну за другой.

Маленький, одноэтажный флигель уцелел. Внутри нашлись три комнаты, сухие и пригодные к жилью хоть сегодня. Тут поселится команда, пока я не подниму главный дом. Кара заглянула внутрь через моё плечо и молча кивнула — прикинула то же, что и я.

Кормовая тоже устояла. Каменная постройка с широкой печью и длинным жёлобом под воду держалась крепко, только пол затянуло грязью — река нанесла ил, и он засох коркой. Печь осмотрел изнутри: кладка целая, тяга будет. Отмыть пол, вычистить жёлоб — и кормовая работает.

Вдоль южной стены стояли четыре загона для скота. Каменные основания сохранились, а вот решётки обвалились — прутья заржавели и полопались.

Мастерскую Прилив пощадил. Внутри лежала пыль в палец толщиной и ржавел старый инструмент, но стены и крыша держались.

А вот колодец меня откровенно напряг.

Я подошёл к каменному срубу, и Серый, трусивший рядом, вдруг остановился. Щенок чихнул, фыркнул, замотал головой и попятился от края, поджав хвост. По связи ударило лёгкое чувство тошноты — зверь предупреждал об опасности.

Заглянул вниз и глубоко втянул носом воздух. Шакал был прав. Пахло сырой землей, но, что хуже — отчётливо тянуло метаном и застоявшейся гнилью. Ствол почти доверху забило щебнем, трухлявыми досками и, судя по запаху, чьими-то тушами. Если в водоносный слой попала трупная палочка — питомник вымрет от дизентерии за неделю. Чистить его придётся сразу, а воду потом долго кипятить с углем, прежде чем давать зверям.

За домом дичал сад, но его наличие приятно порадовало. Старые вишни поднялись выше стены, а между ними пробились различные травы — я узнал несколько, из тех, что Танис перегонял в мази и отвары. Старик, кстати, сразу доковылял до сада, присел на корточки над кустиком, растёр в пальцах лист и поднёс к носу.

Я вернулся к главному дому и остановился у фундамента.

На угловом камне проступало клеймо — скорпион внутри треугольника.

Нойс остановился возле меня и замер. Он долго смотрел прямо перед собой, не мигая, его пальцы на узелке сжались крепче. Я знал, что там, внутри, лежит обломок таблички с тем же гербом — единственное, что осталось у него от клана. Мальчишка ничего не сказал, но по тому, как застыли его плечи, я понял, что мальчишка очень напряжён.

Кара тоже это увидела и переглянулась со мной. Мы промолчали. Тут никакие слова не помогли бы, а лезть с утешениями я не умел и не хотел.

Нойс постоял ещё немного, провёл пальцами по стёртому контуру и пошёл к флигелю. Я не стал его окликать — пусть привыкает.

Аэрин закончил обход рядом со мной. Он оглядел провалившуюся крышу и опёрся на трость.

— Отец захочет знать о ваших планах, — сказал он. — С чего начнёте?

Я кивнул ему и собрал команду посреди двора — они встали полукругом. Аэрин держался чуть в стороне и слушал молча, положив обе ладони на набалдашник трости.

— Работать будем в несколько этапов, — сказал я. — Каждый закрывает то, без чего не наладится следующий. Начнём с жизнеобеспечения.

Показал рукой на кормовую, колодец и загоны.

— Первый этап начинается сегодня. Отмываем кормовую, расчищаем колодец, перебираем решётки в четырёх загонах и латаем пролом в северо-восточном углу стены. Пока не будет воды, крыши над зверьём и хоть какого-то периметра — дальше не двинемся. Это две недели, если работать без раскочки.

Танис кивнул. Он это понимал лучше всех — старик всю жизнь провёл там, где сперва думают о воде и корме.

— Второй этап, — продолжил я и повернулся к главному дому. — Подготавливаем мастерскую, укрепляем стену по всему кругу и приводим в порядок первый этаж дома. Там будут кабинет, гостевая и общая кухня. К концу месяца у нас будет крыша и место, где работать и вести дела.

Шип хмыкнул при слове «мастерская», но промолчал.

— Третий этап займёт следующие два месяца, — сказал я дальше. — Занимаемся вторым этажом дома, закроем крышу над западным крылом и оборудуем спальни. К этому времени переберёмся из флигеля в дом. Нам нужны работники, причём свои, а не наёмная сила. К этому времени уже восстановим сад и травяные грядки, расширим всё хозяйство, чтобы Танис делал нам мази для тех же тварей. Ну а дальше уже и поработать можно...

Замолчал и дал им усвоить услышанное.

— Это план на полгода, — закончил я. — Каждый месяц Соляной будет становиться крепче. Мы не рвёмся вперёд и не гонимся за размахом раньше времени. Люди, ремонт, связи, быт — всё будет постепенно.

Деньги я распределил ещё ночью, но вслух суммы называть не стал. Бюджет оставался моим инструментом, и открывать его посторонним не стоит. Можно назвать меня параноиком, но мне плевать.

Аэрин выслушал до конца и коротко наклонил голову.

— Хороший расчёт, — сказал он. — Вы не тратите силу там, где нужна голова. Я передам всё отцу. Он будет доволен.

Парень оттолкнулся тростью и повернулся к своей повозке.

— Вернусь через две недели, — добавил он, забираясь в повозку. — Погляжу на первый этап.

Охранники разошлись по местам, и колонна Жала выкатилась обратно к городу. Стук колёс стих за рекой, и Соляной остался за нами — пустой, разбитый и наконец мой.

— Ну что, — я обернулся к своим. — Хватит стоять.

Мы проработали весь день.

Кара с Нойсом взялись за флигель. Они вывели три комнаты от пыли и мышиного помёта, перетаскивали тюфяки и разделили жильё: одну комнату заняли мы с сестрой, вторую отдали Нойсу, третью — Шипу и Танису. Нойс работал молча и быстро, таскал вещи, тряс тюфяки, и только узелок сперва пристроил в углу своей комнаты, подальше от двери. Кара представляла наше скудное имущество и то и дело поглядывала на стены нового жилья так, будто не верила, что это теперь принадлежит нам.

Шип ушёл в мастерскую. Он перебирал уцелевший инструмент, откладывал в одну сторону годное, в другую — ржавую труху. Молотки, клещи, старый горн — половину можно было отчистить и пустить в дело, половину перековать. Укротитель ворчал под нос, но по тому, как цепко он хватал каждую железку, я понял, что мастерская пришлась ему по душе.

Танис доковылял до сада и сразу взялся за расчистку. Старик надел грубые рукавицы и принялся выдирать крапиву у корней, освобождая старые грядки. Работал он медленно, с частыми передышками, но не бросал — за час вычистил полосу вдоль стены и уже прикидывал, где сможет посадить первые растения.

Я занялся зверями.

Хрома отвёл в самый крепкий из четырёх загон — тот, где решётка держалась лучше прочих. Дрейк спокойно вошёл, обнюхал углы, потоптался и лёг на солому, которую я бросил заранее.

Близнецов поселил вдвоём в соседнем загоне — звери привыкли друг к другу, и разлучать их значило только добавить им стресса.

Притворщика пока оставил за глухой перегородкой в углу кормовой, в темноте и тишине. Этой тварью я займусь отдельно, когда хоть чуть-чуть налажу хозяйство и появится время.

Серый и Сирка свободно носились по двору.

Щенок хромал, но с азартом исследовал новое место. Пепельный шакал — зверь территориальный. Он методично обходил периметр, оставляя пахучие метки на углах зданий и кустах, словно заявляя права на этот кусок земли. Сирка держалась солиднее, деловито трудилась следом, как старшая, проверяющая владения. Через связь до меня доходило острое, вибрирующее чувство собственности Серого — после тесной каморки в Яме инстинкты зверя разворачивались в полную силу.

— Рик, Кара, — внезапно позвал нас Танис, отряхивая землю с рукавиц. — Идите-ка сюда. Нашёл кое-что занятное.

Старик привёл нас к дальней грядке, которую только что расчистил. Он выдрал крапиву и разрыхлил землю, а в разрытой яме темнел край чего-то слишком ровного. Танис присел рядом и постучал по нему костяшкой.

— Вот, — сказал он. — думал корень, а оно каменное. Разгрёб — а там вот это.

Я опустил на колени и расчистил находку руками.

Из земли проступил каменный ящик, вкопанный на добрый метр вглубь. Снаружи его обмазали слоем застывшей смолы — от воды и от корней, чтобы содержимое не гнило. Поддел крышку. Внутри было пусто, сухо и чисто.

— Надеялся найти клад? — Кара усмехнулась, наблюдая за моим лицом.

— А клан Песка основательно хранил добро, — проговорил Танис, огладив бороду. — В таких ящиках обычно держали зерно, семена или что подороже.

Он смотрел на ящик, как на любопытную старину. Практического интереса в его глазах не было — старик и не думал, что нам с Карой нужно нечто подобное.

Я поймал взгляд сестры. Кара уже всё поняла — крытый под землёй ящик годился под малый тайник.

— Хорошая находка, Танис, — сказала сестра ровно. — Жалко зарывать обратно. Давай отметим это место — засадим сверху мятой, ты же предлагал нечто подобное. И землю от крапивы прикроем, и память сохраним.

— Дельно, — одобрил старик и добавил от себя: — А крапиву-то по краям оставь. Пусть жётся. Никто в неё не полезет, и ящик стоять будет спокойно, никто не потревожит.

— Так и сделаем, — кивнул я.

Танис поднялся, довольный, и заковылял к своей комнате искать молодую мяту среди вещей. Мы с Карой остались у ямы одни.

Я быстро сходил во флигель и принёс кожаный мешочек с инструментами, пару редких алхимических желёз в контейнерах и горсть серебряных монет для отвода глаз. Опустил свёрток на дно ящика, прикрыл сверху старой мешковиной и придавил плоским камнем. Крышку вернул на место.

— И всё? — Кара нахмурилась, наблюдая за моими действиями. — Я думала, ты золото сюда положишь.

— Я похож на идиота? — усмехнулся я, отряхивая колени. — Об этом месте знает Танис. И он сам предложил посадить здесь мяту. Значит, он будет приходить сюда каждую неделю. Прятать там, где регулярно копается чужой человек — это так себе идея.

Кара моргнула, осознав мою логику.

— Тогда зачем это всё? Мы же обсуждали...

— Это «оперативный» тайник. Если кто-то чужой, или даже свои, вскроют его — они найдут серебро и успокоятся, решив, что сорвали куш. Обманка. Настоящие деньги, договор с Корфом и компромат мы спрячем так, чтобы никто не нашёл.

— Ну хорошо, это обманка, — сказала сестра задумчиво. — А основной как будет делать?

— Хороший вопрос, — протянул я.

Куча денег, договор с Корфом, письмо Аэрина с его предупреждением про людей в Совете — всё это требовало осторожности. Места, куда чужой не сунется ни при каких обстоятельствах. И пусть малый тайник опытный грабитель нашёл бы за полдня, но основной я хотел упрятать так, чтобы его не отыскиали, даже перекопав весь Соляной.

К вечеру мы выдохлись.

Собрались у костра посреди двора. Кара сварила похлёбку из вяленого мяса и корневищ, которые набрала в одичавшем саду, и мы ели молча, передавая миски по кругу.

Каждый переживал этот день по-своему. Танис устало жевал, глядя в огонь. Шип разминал больную руку. Нойс сидел ближе к Каре, обхватив миску обеими ладонями. Усталость

была общая, но какая-то добрая — будто мы сделали что-то настоящее. Стоящее. Первые шаги независимости.

Огонь трещал, и над двором расходился запах похлёбки.

Потом за спиной скрипнула солома.

Я обернулся. Хром вышел из своего загона. Старый дрейк сделал десяток шагов к костру, остановился и замер, глядя на меня через двор.

Я скользнул по нему коротким Анализом.

Пuls: 62.

Частота дыхания: 16.

Зверь был относительно спокоен, но сам факт его нахождения вне вольера заставил меня похолодеть. В углу периметра зияла дыра шириной в три метра.

Я медленно повернулся к Шипу. Он сидел на бревне и самодовольно ухмылялся.

— Ты открыл загон? — мой голос прозвучал тихо, но Кара мгновенно перестала мешать похлебку.

— Ага, — Шип кивнул. — Этот дрейк на новом месте должен был неделю в угол забиваться. Пугливая тварь. Вот я и открыл, проверить. Надо же, вышел.

Наклонился к нему вплотную.

— Периметр не закрыт, Шип, — произнес я, чеканя каждое слово. — У нас пролом в стене, выходящий к реке. Если бы дрейк словил паническую атаку от незнакомого запаха — он бы рванул в эту дыру. И мы бы потеряли тварь, за которую я заплатил деньги. А если бы он в панике затоптал Нойса?

Ухмылка медленно сползла с лица укротителя.

— Я контролировал ситуацию...

— Ты нарушил базовую технику безопасности карантинной зоны, — жестко оборвал я. — И это твой первый урок. Пока периметр не восстановлен на сто процентов, ни один зверь не покидает вольер без страховочной цепи. Никогда! Если ты еще раз устроишь мне проверку — пойдешь собирать вещи. Я строю питомник, а не цирк. И теперь ты всегда будешь спрашивать разрешения, прежде чем действовать самостоятельно. Я помню наш договор, но, по-моему, ты забыл о границах дозволенного. Ты понял меня?

Шип стиснул челюсти. В нем боролась гордость и понимание того, что я железобетонно прав.

— Понял, Смотритель, — процедил он наконец и встал. — Пойду закрою тварь.

Проводил его взглядом. Будем зарабатывать авторитет жёсткими границами.

Остаток вечера прошёл в тишине. Мы разошлись по комнатам флигеля, и я провалился в сон, едва голова коснулась жёсткого тюфяка. Но долго спать на новом месте не вышло — внутренний таймер поднял меня задолго до солнца.

Рассвет застал нас с Карой во флигеле, над раскрытым сундуком.

Пятьсот монет от Корфа лежали тугими столбиками, и рядом с ними — свёрнутый договор с печатью Жала.

— Так нельзя, — сказала Кара, кивнув на монеты. — Всего день прошёл, а я уже на нервах.

— Ну, — ответил я. — Пойдём.

Мы пошли искать.

Мастерскую отнёс сразу. Через неё целыми днями будет ходить Шип, а следом и работники — слишком людное место. Кормовую отбросили по той же причине. Тайник любит тишину и безлюдье, а не проходной двор.

Пришли к главному дому.

Он высился перед нами двухэтажной громадой тёмного камня. Никто не полезет в развалину без крайней нужды, а если и полезет — простора внутри столько, что сотню тайников спрячешь.

— Вот сюда и заглянем, — сказал я.

Парадная дверь поддалась с натугой, петли завизжали на весь двор. Мы вошли внутрь, и на нас дохнуло затхлым воздухом.

Дом был мёртв. По углам шуршали крысы. Даже днём тут держался полумрак, и я запалил фонарь.

Мы двинулись через главную залу. Кара шла рядом, Сирка трусила впереди, опустив нос к полу. Гончая обнюхивала плинтус вдоль стены, шаг за шагом, и вдруг встала в дальнем углу, как вкопанная.

Хребет вздыбился гребнем.

Она прижала уши, оскалилась и утробно зарычала в темноту угла. Расставила все шесть лап и упёрлась в пол, готовая к прыжку или к отходу.

— Сирка, ты чего? — Кара шагнула к ней. — Что ты там нашла?

Я двинулся следом. Сестра опустила фонарь пониже и отодвинула ногой кучу серых обломков у стены. Из-под пыли и трухи высунилось что-то белое и длинное.

Кара разгребла рукой дальше и отдёрнула ладонь.

— Это кость, — выдохнула она.

Перед нами и вправду находилась кость — огромная, длиннее самой Кары в вытянутый рост. Сестра попятилась и позвала меня. Я подошёл вплотную, поднял фонарь и осветил весь угол разом.

В углу лежал скелет.

Он растянулся вдоль стены во всю её длину — исполинский костяк с шестью лапами, вытянутым в дугу хребтом и длинной шеей, которая упиралась в тяжёлый череп. Череп скалился двумя рядами зубов, каждый с мой палец. Ни мантикора, ни гривошип, ни дрейк не складывались в такую форму. Я мог поклясться, что таких тварей мы не видели даже в момент Прилива.

Кара стояла рядом, не сводя глаз с черепа.

— Рик, — тихо спросила она. — Что это за тварь такая?

Глава 4

Сирка не отходила от скелета, вытянула морду к черепу, и глухо ворчала, не сводя с него глаз.

Я опустился на корточки перед скелетом и повёл ладонью вдоль хребта, от черепа к хвосту, и начал оценивать тварь по костям и суставам.

— Держи фонарь ниже, — сказал Каре. — Вот так.

Она опустила свет к рёбрам. Я провёл ладонью по кости, стирая вековую пыль. Шесть лап — три пары, уже привычная южная схема. Но суставные головки аномально массивные, а площадки под крепление мышц широкие, как у тяжеловоза. Такая тварь двигалась медленно и грузно. Постучал костяшкой по ребру — оно оказалось плоским, с характерными буграми. Остеодермы — встроенная костяная броня.

Перешёл к черепу и просунул пальцы в пасть. Частые зубы шли тупыми конусами.

— Это что, Рвач? — тихо спросила Кара.

О таких часто говорили, но твари были столь редкие, что я усомнился, хоть и видел описание зверя в библиотеке.

— У Рвача другие зубы, — пробормотал я. — Это не для мяса. Это чтобы дробить чужие панцири в труху. А над глазами... видишь эти валики? При жизни на них крепились тяжёлые защитные плиты.

— Василиск, — сказал я вслух, вынося вердикт. — Но гораздо больше обычного. Аномальный.

Я провел пальцами по суставной сумке.

— Кость слишком пористая на стыках. Его будто искусственно раскармливали и форсировали рост. Природа таких гигантов не создает.

— Я знаю, что это, — ответила сестра. — Это старший клановый зверь. Такую тушу растят десятками лет, раскармливая до состояния живых осадных машин. Видимо этот был из Песка.

На краю зрения мигнуло.

Получено опыта: +50.

Я усмехнулся про себя. Даже мёртвая, эта тварь принесла пользу — за одно понимание чужой анатомии система вновь отсыпала опыта.

Кара обвела скелет во всю его длину и присвистнула.

— Громадина... — Она задержала свет на черепе. — Рик, они его что, прямо в доме держали?

— Вряд ли. Может он сражался с кем-то из Прилива? Впрочем, следов других тварей не видно. Зови остальных. Такое стоит показать всем.

Кара кивнула и вышла, Сирка потрусилась за ней.

Через четверть часа команда собралась в зале.

Кара привела Нойса, следом пришёл Шип, и последним доковылял Танис, опираясь на клюку. Я поднял фонарь и осветил скелет целиком, чтобы каждый увидел, что лежит в углу нового дома.

Шип присвистнул и выругался вполголоса. А вот Танис остановился и замер, едва фонарь выхватил череп из темноты.

Старик долго смотрел на кости.

— Хозяин, — проговорил он наконец. — Так его звали.

— Ты его знал? — спросил я.

— Видел я его. Один раз, издалека. — Танис не отрывал глаз от черепа. — Он никогда не выходил из усадьбы Песка. Жил тут, в стенах, и тут же умер. Огромный был, с чешуёй как каменные плиты — шагнёт, и земля гудит. Клан Песка его берёт пуще золота.

Он замолчал, опершись на клюку.

Нойс протянул руку и осторожно положил ладонь на костяную лапу, будто боясь потревожить. Он постоял так, потом поднял на нас глаза и заговорил.

— Мой прадед завёл его, — сказал он тихо.

Кара замерла. Я тоже — мальчишка молчал с той минуты, как попал к нам, и первые его слова касались собственного клана. Никто не стал ничего говорить. Такие мгновения ломаются от лишнего слова.

Нойс убрал руку и отступил.

Дальше я думал уже о деле.

— Выкидывать не будем, — сказал я. — Эти кости дороже золота.

Шип поднял бровь.

— Так она ж мёртвая?

— Реликтовая кость, — ответил я и постучал ногтем по ребру. — Слышишь? Она в разы плотнее хитина. Из неё получаются инструменты, каких нет ни у одного укротителя в этом городе. Тонкие и прочные, сможем работать с нервными узлами зверя, не круша всё вокруг.

Шип хмыкнул, но по глазам я понял, что его зацепило.

— Череп оставим в кабинете, — добавил я. — Целиком. Пусть стоит.

Я сказал это между делом, но глянул на Нойса. Мальчишка перехватил мой взгляд и коротко кивнул мне. Он снова молчал, но этот кивок стоил многого.

Команда разошлась по работам, а мы с Карой остались у скелета.

Тайник напрашивался сам. Я прошёлся вдоль хребта и остановился там, где три позвонка хвостовой части лежали над полом плотной грядой. Под ними, между костью и стеной, темнела сухая ниша — укрытая так, что чужой не заглянет туда и за месяц поисков. Кто полезет разбирать скелет исполина ради тайника? А если и полезет — сперва наткнётся на кости, а не на золото.

Я расшатал две плиты пола под нишей и вынул их. Под ними открылась сухая пустота.

Туда мы с Карой и уложили наши деньги, включая договор с Корфом и письмо Аэрина. Часть монет я оставил при себе, на текущие расходы. Плиты вернул на место и притёр пыль сверху, чтобы стык не бросался в глаза.

— Про это место знаем только мы вдвоем, — сказал я, выпрямляясь.

— Угу, — буркнула Кара и посмотрела на скелет, под которым теперь лежало всё наше будущее. — Хороший сторож.

— Лучше не придумаешь, — хмыкнул я. — Даже любопытно, что за история у клана Песка. Похоже, он был достаточно сильным. И почему труп хозяина в бывшем питомнике, который давно забросили?

— Может быть Нойс расскажет? — с сомнением спросила Кара.

Я не ответил. Чужие тайны меня волновали меньше, чем дыра в нашей стене.

Утро началось с инвентаризации и распределения задач. Пока Кара и Нойс кормили зверей остатками припасов из Ямы, я вытащил Шипа во двор. Нам нужен был стройматериал, и срочно.

Пока укротитель запрягал повозку — ту самую, что оставил нам Аэрин — я писал список необходимого.

Известь и огнеупорная глина под печь, точильные камни, ходовой инструмент, ткани, посуда под мази, крепкий брус на решётки загонов — всё то, без чего первый этап восстановления не сдвинется с места. Шип читал, кивал сам себе и добавил кое-что от себя.

— Бери у проверенных, не хватай первое попавшееся, — сказал я и отсчитал ему монеты. — И торгуйся. Мы теперь не Яма, но и не барон, каждая монета на счету.

— Расскажи мне ещё, — буркнул Шип, пряча деньги. — Я этим занимался ещё до того, как ты в городе появился.

Он забрался на повозку и выкатил за ворота.

А к обеду укротитель вернулся.

Повозка вкатилась во двор гружёная под завязку — брус торчал через задний борт, мешки с известью и глиной осели на дно, поверх лежал закупленный инструмент и стопки ткани. Шип выглядел довольным, и я понял, что по рядам он и вправду прошёл с толком.

— Всё взял, — сказал он, спрыгивая. — И сторговал дешевле, чем ты думал. Разгружай давай, Смотритель.

Едва мы закончили, как у ворот заскрипела ещё одна повозка.

Варг ввалился во двор, огляделся, и круглое лицо расплылось в улыбке человека, который пришёл делать деньги и заранее этому рад. Следом из повозки выбрался Крот и встал у стены, молчаливый, как всегда.

— Смотритель Соляного! — пропел Варг, разводя руками. — Нет, вы поглядите на него. Пару месяцев назад ты за два медяка навоз выгребал, а теперь у тебя земля и развалины. Люди обходят твой Соляной за версту, а по мне так лучшего места не сыскать.

— Заходи, Варг, — сказал я. — Разговор будет долгий.

Мы прошли в кабинет — единственную комнату первого этажа, которую я успел кое-как отчистить. Он опустился на скамью, крикнув под собственным весом, вытащил из-за пазухи свёрток с вяленным мясом и тут же принялся жевать. Я подозревал, что этот человек работает челюстями даже во сне.

— Ты вовремя, — начал я. — Мне нужны руки. Пять мастеров на две недели. Каменщики, плотник, те, кто с известью на «ты». Найдёшь?

— Обижаешь. — Варг махнул куском мяса. — Пять мастеров я тебе из-под земли выкопаю, а если под землёй кончатся — с того света выпишу, там сейчас очередь из безработных. Восемь золотых в неделю за всех, и это по-родственному, потому что я тебя люблю. Другому бы содрал вдвое, а сверху накинул за то, что он мне не нравится.

— Идёт, — я сразу согласился, потому что Танис уже подготовил меня. Независимые, хорошие работники всегда стоили дорого — взять даже банду «Костяных». К кланам и организациям обращаться не хотел — лишние глаза и уши.

— Видишь, как я тебя балую. — Он ткнул в мою сторону обглоданной костью. — Знавал я одного дельца, тот на каждой монете сидел, как наседка на яйце. Трясся, пересчитывал, да спал в обнимку с сундуком. Прямо на нём и помер, а наследники за две недели всё спустили на девок, вино и, представь себе, на похороны такие пышные, что половина города пришла жрать за его счёт. Вот и вся мораль: деньги надо крутить, а не высидывать, иначе высидишь только собственные поминки. Ты крутишь. Мне это нравится.

Я дал ему договорить. С Варгом иначе нельзя — он сперва выговорится, а слушать начинает потом.

— Теперь второе, — сказал я, когда он замолчал. — Долг за Нойса. Хочу закрыть его сейчас, целиком, вперёд.

Варг перестал жевать.

Он посмотрел на меня уже другими глазами — весёлость с лица не сошла, но из-под неё выглянул тот самый делец.

— Не выйдет, — сказал он.

— У меня есть деньги.

— Рик, дело не в деньгах. — Варг отложил мясо и вытер пальцы о тряпицу на колене. — Мы с тобой ударили по рукам на доходы мальчишки. На десять лет, с отчётами. То, что записано на человека, с человека и слезает. Своим трудом, по монете. Такое правило.

— И правило нельзя обойти?

— Правило-то можно. Меня нельзя. — Он развёл руками. — Слушай, был у меня знакомый, добрейшей души человек. Один раз простил долг вдове — красивая была чертовка, разжалобила. На другой день к нему пришли ещё три вдовы. Через неделю — целая процессия, и половина из них, между нами, никогда замужем не была. Знаешь, где он теперь? Нигде. Потому что доброта в нашем деле — это дырка в кармане, через которую утекает жизнь. Мальчишка отработает своё. Хочешь, чтобы он ел, спал и рос у тебя? Пусть растёт на здоровье. Плати ему, он платит мне, я плачу за баранину, все при деле и сыты.

Я откинулся на спинку. Логика Варга была кабальной, но честной. Придётся пока отойти от этого вопроса.

— Ладно. По правилам так по правилам.

— Вот теперь я слышу делового человека. — Варг снова взялся за мясо. — И раз уж мы о деле. Ты мне должен, Смотритель. Не только за мальчишку — за ссуду, за броню, за наводки, которые я тебе сливал, как родному. А поставок с тебя — ноль. Круглый, гладкий, красивый ноль. Я человек терпеливый, спроси кого хочешь — ну, кроме Гильды. Но даже у меня внутри сидит счётчик, и он тикает.

— Да, мы поставляли тебе всё с месяц, а потом случилось то, что случилось. Мы обо всём помним. Поставки будут, — ответил я. — И такие, каких у тебя ещё не было.

— Обожаю это слышать. — Он подался вперёд. — Убеди умного Варга.

Я начал перечислять.

— Первое — мазь. От стихийных ожогов, из желчи гиены. Та самая, помнишь, которую продаёт Буко? Буду её делать и готов реализовывать через тебя.

Варг кивнул, жуя.

— Второе — сырьё для алхимиков. Я всех тварей буду разбирать на нормальные части, а не как Гордей. Железы, хитин, хрящи, зубы и так далее... всё пойдёт в консервацию и как реагенты. Твои алхимики за такое передерутся, потому что я дам чистый материал.

— Стоп. — Варг перестал жевать. Маленькие глазки замерли на мне. — Вот на этом месте помедленнее. Ты хочешь сказать, что умеешь хранить даже редкие железы и глаза так, что всё это не сдохнет за час?

— Умею, — я уверенно кивнул, потому что Танис уже рассказал мне несколько отличных способов. Это и секретом большим не было — просто приоритеты в городе Семи Хвостов были другие.

— Рик. — Он положил мясо. — Ты хоть понимаешь, что это значит? — Он осёкся и махнул рукой. — Ладно-ладно, такое ты уже говорил, но до конца не довёл. Продолжай, что там третье.

— Скребки и инструмент. Я их переработал. Сместил кромку, сточил под другим углом, поставил хитиновую накладку на хват. Старым скребком укротитель за смену сдирает ладони в кровь, а этим работает вдвое дольше.

Варг дожевал, подумал и покачал головой.

— Мазь хорошо. Сырьё беру обеими руками и ещё зубами придержу, вот это золотая жила, тут ты в самое яблочко. А скребки — нет.

— Почему?

— Потому что скребок, дружище, это скребок. — Он пожал плечами. — Хотя ты его позолоти, хоть заговори у знахарки. Укротитель — народ упёртый и жадный, он новый инструмент купит, только когда старый рассыплется в руках, а не потому что у тебя, вишь, кромка под правильным углом. Я такой товар возьму — и он у меня на складе слежится, пока моль

не совьёт в нём гнездо и не выведет потомство. Был у меня один такой умник, притащил ножницы. Гениальная вещь, честно. Знаешь, сколько я их продал за два года? Одни. Себе. Волосы в носу подстригать. Продавай скребки сам, я мешать не буду, но мне того не надо.

Я не стал спорить. Варг знал свой рынок, и, если он сказал, что инструменты не пойдут, — значит, не пойдут. На деле я лукавил — нам же проще, больше сил уйдёт в нужное русло.

— По срокам, — сказал я. — Дай мне три месяца. Мазь и сырьё пойдут, как только отремонтирую кормовую и мастерскую. Раньше не обещаю.

— Три месяца. — Варг пожевал губами, прикидывая. — Долго. Но ты мне показал, что не из болтунов. Их я нюхом чую — они всегда обещают золотые горы к следующему вторнику, а вторник этот у них никогда не наступает. Ты обещаешь меньше, чем можешь, — редкая порода, вроде трёхногой собаки, которая приносит шестерых. Три месяца так три месяца.

Он протянул мне руку через стол, и мы ударили по рукам.

— И вот ещё что. — Варг задержал мою ладонь. — Есть у меня мыслишка. А открой склад Соляного при моей портовой лавке. Твой товар — мои полки и охрана. Половину хлопот с себя снимешь, продажи через меня пойдут вдвое резвее. Ну?

Покачал головой.

— Нет.

— Даже не почешешь в затылке?

— Уже почесал. — Я посмотрел на него. — Ты торгуешь всем подряд. А я хочу добиться другого. Чтобы Соляной стал местом, куда клановый барон приведёт своего зверя и не поморщится. А вот если мой товар ляжет на твою полку рядом с сомнительным... сам понимаешь. Имя стоит дороже быстрых продаж. Продать тебе — это одно, продавать с тобой — совсем другое.

Варг посмотрел на меня и хмыкнул.

— Имя, — повторил он, будто пробуя слово на зуб вместе с мясом. — Ишь ты. Умных слов нахватался у барона за обедом. — Он покачал головой. — Не удивляйся, конечно, я уже всё знаю. Но ты прав, зараза. Знаешь, был у меня приятель, держал лучшую копильню в порту. Рыба — пальчики оближешь. А потом стал ради экономии подмешивать в хорошую партию третьесортную. Дешевле, а на вкус, думал, никто и не разберёт. За месяц все поняли. И теперь его копильню помнят только за ту партию. Про лучшую рыбу забыли. Одна тухлая дрянь — и двадцать лет доброго имени псу под хвост. — Он ткнул костью в мою сторону. — Так что строй свою чистую конюшню, я понял. Но вот что уясни. Рано или поздно у тебя заведётся товар, о котором Совету знать не обязательно. И тогда ты вспомнишь Варга.

— Вспомню, — согласился я.

— Тогда так. — Варг поднялся со скамьи и отряхнул крошки на пол. — Увидимся.

Он двинулся к выходу, но у порога обернулся.

— А сестра-то у тебя расцвела, — бросил он с ухмылкой. — Скоро от женихов отбиваться придётся.

— Она сама отобьётся, если будет нужно.

— Так я и знал. — Варг вздохнул с притворной скорбью. — Не мой типаж.

Он вышел, а через минуту его тяжёлая повозка уже заскрипела за воротами.

Я вспомнил о Нойсе и размышлял несколько минут, затем вышел из кабинета и махнул Шипу.

Пора было планировать загоны у южной стены.

Разложил на камне обрывок пергамента с грубым наброском и обвёл угольком четыре основания, которые остались от прежних загонов Песка. Шип встал рядом, здоровой рукой опираясь на стену, и глянул на чертёж сверху.

— Хром сюда, — я ткнул углём в крайнее основание. — Потолок опустим, площади дадим побольше.

— Дрейку — низкий потолок? — Шип нахмурился. — Ты его в гроб уложить решил? Дрейк любит высоту, ему встать надо в полный рост, шею вытянуть.

Молча свернул пергамент.

— Пойдём, — бросил я и направился к временным загонам. Шип, недовольно сопя, пошёл следом.

Я подошёл к Хрому. Взял из ведра кусок вяленого мяса и поднял высоко над головой. Дрейк клацнул пастью и попытался встать на дыбы, вытягивая шею. Его правая задняя лапа приняла вес тела, сустав хрустнул и мышцу свело судорогой. Зверь глухо зарычал от боли и тяжело рухнул обратно на пузо, так и не достав еду.

— Видел? — я повернулся к Шипу. — У него запущенный артрит. Твой «высокий загон» инстинктивно заставляет его тянуться вверх. Каждый такой подъём разрушает сустав. Через месяц он ляжет, а нам нужно раскрыть потенциал.

Я взял второй кусок и бросил его далеко в сторону, вдоль земли. Хром легко переступил боком, не перенося вес на больную лапу в вертикали, и спокойно сожрал мясо.

— Ему нужно движение вбок, а не рост вверх, — отрезал я. — Низкий потолок отучит его вставать на дыбы. Твоя задача: кормушку ставить на уровне пола. Раз в два дня втирать в сустав разогревающую мазь и гонять дрейка по широкому вольеру по кругу. Мы его лечим, Шип, а не просто держим в клетке. Понял?

Укротитель молча перевёл взгляд с дрейка на меня. Желваки дрогнули, но он кивнул.

Я шагнул к клетке Близнецов. Они жались друг к другу в углу.

— Ты наверняка спросишь, зачем им перегораживать загон и делать две ниши? — я достал ещё один кусок мяса и швырнул прямо между ними.

Идиллия рухнула мгновенно. Два перепуганных инвалида вцепились в один кусок, слезо- лязгая зубами. Один из Близнецов полоснул второго когтем по морде, взвизгнул, они покати- лись по соломе, рвя друг друга от паники и пищевой агрессии.

— Эй! — Шип дёрнулся к решётке, но я перехватил его руку.

— Они жмутся от страха, — жёстко сказал я, глядя на возню. — Это вынужденный симбиоз. Раздели загон глухой стеной. Кормить строго по отдельности, чтобы они не видели друг друга во время еды. Нам нужно разорвать у них ассоциацию «сосед — это угроза голода». Как только пищевая агрессия уйдёт, мы начнём их тренировать.

Шип сглотнул. Он впервые видел, как легко ломается поведение зверя без единого удара хлыстом.

— Притворщик, — я перешёл к третьему основанию. — Ему загон светлый. С окном в стене и с лампой на ночь.

Тут Шип не выдержал.

— С лампой?! — Он оттолкнулся от стены и уставился на меня. — Ты тварь такого ранга собрался ночью подсвечивать? Хищника в темноте держат. Темнота его успокаивает и гасит. Любой укротитель тебе это скажет.

— Любой укротитель так и делает, и половина таких тварей у вас с ума сходит, — сказал я ровно. — Притворщик не простой зверь. Ты знаешь его повадки?

— Ну... — он замаялся. — Знаю. Дёрганный, злой, опасный. Кидается на тень.

Шипу я не мог сказать всего, что знал. А знал я достаточно, чтобы не спать спокойно рядом с этой тварью. Кто-то собрал её из кусков, которые в живом теле не уживаются.

И повадки очень странные. Притворщик считывал всё вокруг и повторял позу, дыхание и движение. Он жил тем, что отражал мир обратно.

А в темноте отражать нечего. Без света зверь теряется в самом себе и звереет.

Это теория, но рабочая.

Вслух я сказал проще.

— Станный он, Шип. Мечется, накручивает себя и к утру доходит до бешенства. Свет даст ему опору. Пусть видит границы загона, привыкнет к ним и перестанет ждать удара из пустоты.

Я остановился и посмотрел укротителю в глаза.

— Моя цель, Шип — чтобы через полгода эти калеки стоили столько же, сколько элитные клановые звери. И ты мне в этом поможешь.

Шип замолчал. Он перевел взгляд с моего лица на чертёж, затем на Хрома, который спокойно жевал мясо с земли, не нагружая больной сустав. Укротитель потер подбородок здоровой рукой.

— Сделаем, — буркнул он наконец. Голос звучал глухо, но без привычного гонора. — Низкий потолок, раздельная жратва, лампа. Понял тебя.

Он еще раз оглядел четыре каменных основания, словно видел их впервые.

— Хитро, — скупое добавил он. — Каждому своё. В Яме всех в одинаковые клетки совали, и плевать, кто там — дрейк, гончая или скорпикор.

— И половина в этих клетках калечилась, — кивнул я. — Мы так делать не будем.

Шип не ответил. Но по тому, как он ещё раз прошёлся взглядом по чертежу, я понял — укротитель мотает на ус. Спорить он будет и дальше, характер такой. А вот делать станет по-моему.

Обещанный эспандер я собрал в тот же вечер. Авторитет строится на выполненных обещаниях, и затягивать с лечением руки Шипа я не собирался.

Возни было немного. Гортанный хрящ виверны из привезённых материалов послужил основой. Он был упругий и держал форму. К нему приладил связку жил песчаной гончей, а сверху поставил тонкую хитиновую пластину-пружину. Всё это поместилось в гладкую деревянную рукоять. Сжимаешь — биомеханика сопротивляется, отпускаешь — хрящ принудительно разгибает скрюченные пальцы, разрывая спайки.

Я нашел Шипа у костра и молча бросил тренажер ему на колени.

Укротитель вздрогнул, покрутил штуковину в здоровой руке, попробовал сжать и хмыкнул.

— По сто раз, три раза в день, — сказал я. — Утром, в обед, вечером. Не больше и не меньше. Перестараться — узел воспалится, схалтуришь — рука так и останется деревянной.

— Сто, значит... — повторил Шип, примеряя эспандер к больной ладони. — Осилю.

Он вложил рукоять в кривые пальцы и сжал. Пластина едва-едва подалась, пальцы задрожали от натуги, но продавили. Шип разжал и сжал снова. На третий раз по лицу прошла тень боли, но упрямства в нём было больше.

С того дня эспандер стал его тенью.

Шип таскал его везде. Сжимал за разговором, кивая мне и стискивая рукоять в такт словам. Сжимал, надзирая за мастерами у стены. И у костра по вечерам, глядя в огонь — всегда сто раз, потом ещё сто, без исключений. Хруст хитиновой пружины сделался привычным звуком Соляного, как голоса зверей в загонах.

А Соляной понемногу приходил в порядок.

Дни легли в колею. Мастера, которых пригнал Варг, с рассвета брались за стену и кормовую — таскали камень, месили известь, латали пролом в северо-восточном углу. Кара с Нойсом держали на себе зверей: кормёжка, уборка, вода. Танис хозяйничал в саду и на кухне, гнал первые отвары из того, что нарыл на грядках. Шип создавал в мастерской инструменты, включая ту же «направляющую», которой я работал с гривошипом.

К концу первой недели у нас появился ритм. Каждый знал своё дело. Питомник переставал быть развалиной. С больными тварями мы ещё не занимались — рано. Поначалу нужно было избавить их от стресса, и мне хватало ума не форсировать события.

А потом пришла ночь, которая сбила наш ритм.

Я проснулся оттого, что зарычала Сирка.

Гончая стояла посреди двора, развернувшись к северной стене, вытянув шею, и из её горла катился низкий рокот — зверь предупреждал о настоящей угрозе. Серый вскинул голову.

Кара уже была на ногах.

Она выскочила из флигеля с клинком в руке, босая, в наспех наброшенной куртке. Одним взглядом оценила, куда смотрит Сирка, и метнулась к стене — к той её части, что уже подлатили, где можно было забраться наверх по кладке.

— Назад! — рявкнул я, но Кара вывернулась из-под руки, как юла.

Сестра взлетела на гребень стены, пригнулась и замерла, вглядываясь в темноту за периметром.

Я в три шага взлетел на кладку рядом с ней.

Внизу, у самой стены, стоял человек.

Он сливался с ночью, лицо тонуло в тени глубокого капюшона. Мой взгляд мгновенно просканировал его позу. Никакого напряжения. Идеальный баланс. Вес распределён так, чтобы в любую долю секунды уйти в рывок.

Опасный объект. Высший хищник на двух ногах.

Кара качнулась к нему, вскинув меч.

— Ты ещё кто?!

Человек внизу не дрогнул. Он просто плавно шагнул назад, не меняя стойки, перетёк в тень от разрушенной кладки и бесшумно растворился в темноте пустыря.

Я выдохнул, чувствуя, как адреналин медленно вымывается из крови. Идиллии пришёл конец.

Кто-то только что приходил проверять наш периметр на прочность.

Глава 5

Перед самым выездом в Совет я открыл окно эволюции.

Помнил про него ещё с того момента, как поймал Серого. Сейчас пора заняться этим вплотную. Но, учитывая сложность, скорее совершить первые шаги.

Эволюция зверолова. Первый Порог.

Ниже развернулся список компонентов.

Хвоя Северной сосны.

Слюна лунной жабы.

Пепел ритуала Прилива. Собран в час, когда кланы жгли травы против надвигающегося Прилива.

Корень травы Умерших. Растёт у специфичных могил, под убывающей луной.

Кровь зверя, добровольно отданная через связь.

Собственная кровь укротителя, взятая в час перелома.

Костяная стружка реликтового зверя третьей ступени или выше.

Передо мной находился огромный список и ни слова о том, что этот Порог даст, ни намёка на то, что случится, когда я соберу всё вместе. Система умела молчать о главном и говорить ровно столько, чтобы разжечь голод.

Я перечитал список дважды и коротко выдохнул.

Первые две строки без единой подсказки. Хвоя и слюна — просто названия, ищи как знаешь. Три другие она снабдила намёками: пепел искать там, где кланы встречали Прилив; корень рвать на могиле; кость брать от реликтового зверя. И вновь пустота — кровь зверя и моя, без объяснений, где и как.

Да и остальное неясно... Что за специфичная могила? Что за травы жгли кланы? Разбираться придётся поэтапно.

Начну с хвои Северной сосны и слюны лунной жабы. Эти два компонента хотя бы звучат, как товар, а значит — продаются. А значит, всё просто упирается в деньги и в нужного человека — зайдём к Варгу. Про остальное я думать пока не стал — оно уводило в такую даль, что от одного взгляда мутилось в голове.

Всё это подождёт. Сегодня меня ждала Канцелярия Совета, а перед бумагами и печатями любые чудеса теряют вес. Сперва легализуюсь.

Я сунул за пазуху свёрток с документами и вышел во двор к повозке.

Канцелярия Совета занимала приземистое здание в Верхнем городе, сложенное из серого камня, с узкими окнами и тяжёлой дверью.

Внутри пахло пылью и старой бумагой. Вдоль стен от пола до потолка тянулись полки, забитые свитками и папками, а за длинной стойкой сидели писари и скрипели перьями. Меня направили к дальнему столу, за которым работала женщина.

Ей было за пятьдесят. Сухая, с гладко забранными седеющими волосами она подняла на меня выпуклые глаза.

— Смотритель Соляного, — она назвала меня так с ходу, не переспросив, будто сверилась с записью в собственной голове. — Я Мельса. Проведу вашу регистрацию. Документы.

Я выложил бумаги на стол.

Мельса развернула их и быстро прошлась, не задерживаясь, но и не пропуская ни строки. Её пальцы перебирали листы с той сноровкой, что стало ясно — она десятки лет делает одну и ту же работу.

— Три нюанса, — произнесла она. — Регистрация питомника. Земельный налог первого года. Свидетельство о приоритете Клана Жала. Последнее уже оформлено, пошлины там нет — за вас похлопотал молодой господин Аэрин.

— Верно, — кивнул я.

— Регистрация питомника — пошлина пятнадцать золотых. — Мельса говорила без нажима. — Земельный налог — двадцать пять. Итого сорок. Вносите сейчас или берёте отсрочку?

— Сейчас.

Я отсчитал монеты и положил на стол. Она пересчитала, ссыпала в ящик и обмакнула перо.

— Теперь по тварям. — женщина заполняла графы аккуратным мелким почерком. — Разрешение на содержание зверей выше третьей ступени выдаётся не раньше, чем через полгода после регистрации. Таков порядок. Но для вас действует шестимесячная льгота на инвентаризацию. Кхм-кхм, скажите спасибо барону Корфу, потому что всё это время вы вправе держать любого зверя, уже находящегося на вашей территории, без отдельного разрешения. По истечении срока — либо оформляете допуск, либо избавляетесь от зверя.

Я отметил это про себя. Полгода мне должно хватить на Притворщика — легально и без единого вопроса.

— Понял.

— Состав хозяйства и люди тоже важны, — продолжила Мельса. — Смотритель — Рик, бескланового происхождения. Работники — перечислите, это формально, но я зафиксирую. Затем раз в месяц будете обновлять информацию. Итак?

— Укротитель Шип. Подсобник Танис. Моя сестра Кара. И ученик.

Мельса подняла перо.

— Имя ученика.

— Нойс.

Она задержала перо над бумагой на секунду дольше обычного.

— Нойс, — повторила она и вписала. — Выживший из Клана Песка. Так и запишу.

— Вроде это неважно? — осторожно спросил я, понимая, что Совет всё равно нашёл бы эту информацию. Ведь мы забрали его с приюта.

— Наследников Песка после Прилива не осталось, — Мельса не поднимала глаз от бумаги, но говорила уже как-то иначе. — Совет всё равно ведёт отдельный учёт.

— Хорошо.

Мельса дописала строку, промокнула чернила и подняла на меня взгляд.

Я спокойно выдержал его, не отводя глаз и не заискивая. Она смотрела на меня чуть дольше, чем требовало дело — будто пыталась запомнить.

— Готово, Смотритель. — Мельса подвинула ко мне бумаги с оттиснутыми печатями. — Соляной зарегистрирован. Отныне вы отвечаете за него перед Советом.

Я собрал документы и убрал за пазуху.

— Благодарю.

— И вот что. — Она произнесла это, когда я уже поднимался. — Вы пришли один. Заплатили сразу. Не торговались и не жаловались на пошлину. — Мельса сложила руки на столе. — За тридцать лет вы такой первый. Потому вот вам совет, изучите правила, Рик. А сейчас ступайте.

Кивнул и вышел из Канцелярии, унося за пазухой печати Совета и странное чувство, что меня только что взвесили на весах.

Тут я завернул к Варгу — с частью долга за Нойса.

Делец сидел в задней комнате, за столом, заваленным накладными, и, разумеется, жевал. На этот раз — копчёное рёбрышко. Крот застыл у двери привычной тенью.

— Смотритель! — Варг просиял и махнул костью, приглашая сесть. — Дважды за неделю. Или ты соскучился по мне, или принёс деньги. И то и другое мне приятно, но второе — приятнее, врать не буду.

— Второе. — Я выложил на стол монеты. — Двадцать сейчас. Тридцать буду отдавать по пять золотых раз в месяц.

Варг аккуратно, почти брезгливо отложил обглоданную кость на пергамент, тщательно вытер пальцы платком, и только потом пересчитал золото. Его толстые пальцы двигались с пугающей ловкостью карточного шулера. Монеты исчезли в ящике стола.

Улыбка стала шире и теплее — так, наверное, теплеет ростовщик, когда должник приходит платить сам, а не прячется по подворотням.

— Вот за это люблю. — Он откинулся, отчего скамья жалобно скрипнула. — Знаешь, сколько людей мне должны в этом городе? Много. Потому меня не особо напрягают твои задержки в бизнесе. А знаешь, сколько приходят сами, без того, чтобы хорошие парни стояли у них над душой и напоминал про здоровье их близких? — Он поднял два пальца. — Двое. Ты второй. Первый, между нами, платит из страха, потому что однажды застал меня в скверном настроении и запомнил на всю жизнь. А ты — из принципа. Принцип надёжнее страха: страх проходит, а принцип у человека в кости вшит.

— Рад, что ты доволен.

— Доволен — не то слово. — Варг снова взялся за ребро. — И раз уж ты человек полезный, я тебе отплачу тем же. Пушу о твоём Соляном добрый слух. У меня, знаешь ли, язык подвешен. Скажу нужным людям, что на мёртвой земле объявился толковый зверолов, который ставит калек на ноги и не берёт лишнего. Слух — странная штука: денег не стоит ни гроша, зато весит порой больше золота. Один мой знакомый пустил про конкурента, что у того в бочках с рыбой завелась зараза. Враньё от первого до последнего слова. Так у бедолаги за месяц лавка опустела, а мой знакомый скупил её за треть цены. Вот тебе сила доброго слова — и злого тоже.

— Слух в мою пользу мне пригодится, — сказал я. — Спасибо, Варг.

— Свои люди — сочтёмся. — Он отмахнулся костью. — Ну, выкладывай. Ты ведь не только долг занёс. У тебя на лице написано, что есть ещё вопрос, а вопросы у тебя всегда с двойным дном.

Я хмыкнул. От этого борова мало что укрывалось.

— Есть один. — Я устроился поудобнее. — Слышал что-то про хвою Северной сосны?

Варг перестал жевать и прищурился, прикидывая.

— Хвоя Северной сосны, — протянул он. — Возит её один торговец, да и тот редко. Растёт эта дрянь на самом Крайнем острове, на макушке соседнего архипелага, где холод собачий и живут одни чайки да контрабандисты. Но возит лишь элитным кланам. Пятьдесят золотых за пучок, и это ещё по-божески, с учётом, что половина груза по дороге портится. Спрос? Мелкий. — Он склонил голову набок. — Тебе-то она зачем?

— Для отваров. — Я пожал плечами. — Специфических. Пока прикидываю бюджет и рецепты, до дела ещё далеко.

— Отвары, — повторил Варг, делая вид, что поверил. Он не полез дальше. — Ну, отвары так отвары. Понадобится — свистни, найду тебе торговца.

Он знал, что я недоговариваю. Но за месяцы дел привык, что я работаю по-своему, и давно перестал выпытывать. Меньше знаешь — крепче спишь, а спать Варг любил.

— И ещё, — подбросил вопрос как бы между делом. — Про лунную жабу что скажешь? Точнее её слюну.

Варг хмыкнул и покачал головой, будто я перечислял ему товары с полки для чудаков.

— А ты, я смотрю, по редкостям пошёл. — Он отложил кость. — Есть человек, отшельник с юго-восточных болот. Приходит раз в три месяца, не чаще — жаба-то слюну пускает только в полнолуние, а полнолуний за квартал, сам считай, негусто. Тридцать золотых за флакон. Мутная такая жижа, зеленью отдаёт. Берут её либо клановые алхимики, либо богачи, которым деньги карман жгут. — Он прищурился. — Тоже для отваров, надо думать?

— Тоже, — согласился я. — Заказывать пока не буду, денег в обрез. Но когда отшельник объявится — дай знать. Придержи мне флакон, если сможешь.

— Придержу. — Варг черкнул что-то в углу накладной и, не оборачиваясь, бросил: — Крот, запомни: жаба для Смотрителя. Как ловец придёт — свистнешь.

Крот у двери кивнул.

— Вот и славно. — Варг снова взялся за ребро. — Хвоя, жаба... Знаешь, Смотритель, я всю жизнь в этом деле, и всякий раз, когда человек начинает скупать всякую редкую дрянь по мелочи и врать про отвары, дело кончается одним из двух. Либо он колдун и спалит себе брови, либо он умнее всех вокруг и через год ходит в золоте. На колдуна ты не похож. — Он ткнул костью в мою сторону. — Так что я, пожалуй, поставлю на второе и буду к тебе поласковой. На всякий случай. Перспективный ты парень.

Я поднялся и пожал ему руку:

— Правильная ставка.

Обратно в Соляной я шёл в вечерней толкотне среднего города.

Улицы забивал расхोлившийся с дневных дел народ — грузчики тащили последние тюки, хозяйки спешили с рынка, укротители уводили своих тварей. Я лавировал в потоке и прокручивал в голове рецепт эволюции зверолова. Всё складывалось неплохо, но как же всё дорого. А ещё, эволюция требуется для Серого. Точнее, для его бестиария. Завтра же начну им заниматься.

И тут я его заметил.

Человек в сером плаще стоял у стены и смотрел в мою сторону. Капюшон не поднял, но лицо держал в тени и как-то так стоял, что взгляд соскальзывал с него, не цепляясь. Я сбавил шаг.

Сейчас этот. А прошлой ночью у стены Соляного был ещё один гость.

Совпадением тут и не пахло. За мной следили, вели от самого дома, и делали это люди, которые знают своё ремесло.

Я не стал дёргаться, ускорять шаг или, тем более, окликать его. Спугнёшь и он просто сменит дистанцию, а ты потеряешь его из виду.

Скосил глаза, оценивая его габариты, ширину плеч и то, как он держит баланс. Попробовал сместиться в слепую зону за телегой, чтобы заставить его сделать лишнее движение.

Но серый плащ оказался профи. Он мгновенно считал мой маневр, мягко качнулся в сторону, скользнул за угол лавки — и растворился в толпе, будто его и не было.

Я протолкался следом, но увидел лишь пустой переулок. Там не было ни души. Только белё сохло на верёвке, да рылась в отбросах чья-то тощая собака.

Может, и померещилось. День был долгий, голова забита. Приятные мысли, безопасные, но нутро, которое предупреждало меня раньше рассудка, говорило другое.

Я запомнил его лицо и зашагал дальше, уже не думая о рецепте.

К Соляному вышел в сумерках.

Двор встретил меня стуком инструмента и запахом извести — мастера сворачивались после дня работы.

Я шагнул за ворота, и из-под навеса тут же метнулась серая тень.

Серый.

Щенок подбежал почти вплотную, но вдруг затормозил. Шерсть на его загривке встала жёстким гребнем. Он опустил морду, втянул носом воздух у моих сапог и глухо зарычал. Но не на меня, а на то, что я принёс с собой.

Мой пульс всё ещё был слегка ускорен после встречи со шпионом в переулке. На одежде осел запах городской толпы, чужого пота и моего собственного не сброшенного адреналина. Для территориального хищника я сейчас фонил угрозой, как ходячая сигнальная ракета.

Обычный человек начал бы успокаивать зверя голосом или потянулся бы погладить. Грубейшая ошибка. Нависающая рука для взвинченного пса — это атака, даже если вы связаны.

Я молча опустил на одно колено, становясь с ним вровень. Выдохнул, принудительно замедляя собственное сердцебиение, и просто протянул ему раскрытую ладонь снизу вверх.

Серый подался вперёд. Влажный нос ткнулся в пальцы, шумно втягивая запахи. Через нашу связь, которая пока была тонкой, как паутинка, я послал ему волну абсолютного спокойствия.

Я вожак. Угроза осталась за периметром. Здесь мы дома.

Рык оборвался. Гребень на холке опал. Шакал фыркнул, словно выдувая из ноздрей чужой запах, и уверенно боднул головой мою ладонь. Я жёстко, с силой промял ему мышцы за ушами и провёл вдоль шеи, закрепляя тактильный контакт.

Зверь принял меня обратно в стаю. Я поднялся, чувствуя, как от этого простого ритуала напряжение прошедшего дня наконец-то отпускает и меня самого.

Направился к флигелю, когда мой взгляд зацепился за Таниса.

Старик выглядел скверно.

Лицо посерело, дышал он тяжело, а у груди держал ладонь. Он чуть надавливал, будто пытался унять что-то внутри.

— Танис? Что такое?

— Да ерунда. — Он поморщился и махнул свободной рукой. — Давит немного вот тут. Устал за день, крапиву эту клятую весь день корчевал. Пройдёт.

Мой хваленый «Анализ» и «Ветеринара Юга» на людей не работали.

Я шагнул ближе и положил ладонь ему на грудь, поверх его руки. Сердце под пальцами толкалось неровно. Первый удар был сильным, а следующий смазывался, потом шла заминка, будто мотор пропускал такт, и снова частил. Я не врач и не мог поставить диагноз, но и так ясно — работает не так, как надо.

— Часто у тебя это?

— Да живу с этим двадцать лет, Рик. — Танис мягко отстранился. — Приходит и уходит. Всё нормально, поверь старику. Мне бы лечь, и к утру отпустит.

Спорить не стал — надавишь на него, и он упрётся из гордости. Но поставил жирную зарубку.

— Ложись, — сказал я. — Крапиву завтра Нойс докорчует. И если ночью прижмёт — буди меня, не геройствуй.

— Разбужу, разбужу. — Танис уже ковылял к флигелю. — Не хлопочи над стариком, у тебя дел без меня хватает.

Он ушёл, а я постоял, глядя ему вслед, и не мог избавиться от чувства тревоги.

Вечер я досиживал во дворе с Шипом.

Мы устроились у догорающего костра и говорили о деле — как будем работать со зверьём, когда встанут новые загоны. Шип сжимал свой эспандер, щурился на угли и спорил уже беззлобно.

— С Притворщиком сам буду работать.

При имени этой твари Шип покосился на тёмный угол кормовой.

— Всё-таки не даёт он мне покоя, этот зверь, — проворчал укротитель. — Неправильный он какой-то.

— Неправильный, — согласился я. — Пойду, гляну на него на ночь.

Я взял лампу и подошёл к перегородке. Отодвинул заслонку смотрового окошка.

Притворщик сидел в углу и смотрел на меня. Ледяные глаза поймали свет лампы и не мигали. Замер, приглядываясь, и тварь тоже застыла — в точности повторив мою неподвижность. Я чуть склонил голову набок. Через секунду Притворщик склонил свою — под тем же углом, зеркально.

Он копировал меня, как делал это всегда.

Я поставил лампу и медленно, напоказ, поднёс ко рту флягу с водой, отпил. Зверь следил за каждым движением. Потом я просунул в загон плоску с водой и стал смотреть, как он пьёт.

Вот тут и пряталась загадка, от которой у меня чесались руки. Притворщик лакал воду — и одновременно ровно, без сбоя, дышал. Ни поперхнулся, ни захлебнулся, будто вода и воздух шли разными путями и не мешали друг другу. У любого зверя глотка и дыхательное горло — общий перекрёсток, потому и давятся, когда торопятся. А у этого внутри стоял какой-то шлюз, который разводил потоки.

Полное анатомическое разделение дыхательных путей и пищевода. Ни один сухопутный хищник в здравом уме так не эволюционирует — природа не тратит ресурсы на такие сложные вещи без нужды.

Я смотрел на это и в который раз упирался в стену. Внутри у твари бились два сердца в разном ритме. В глотке стоял шлюз, какого не бывает у зверей. Уши слушали каждое своё. Такую тварь не родила бы ни одна самка.

И чем дольше смотрел на Притворщика, тем яснее понимал — за всем этим находится чей-то замысел.

— Ну что там? — окликнул Шип от костра.

— Пьёт и дышит одновременно, — сказал я, задвигая заслонку. — Ты когда-нибудь такое видел?

Шип подумал.

— Нет, — признал он. — Не видел.

— Вот-вот. — Я вернулся к костру и сел. — Потому и заниматься с ним буду сам.

Костёр догорал. За едва залатанной стеной Соляного лежала мёртвая земля, и где-то там, в её тених, наверняка топтались люди в плащах, прощупывая наш периметр.

Я перевёл взгляд на спящего у моих ног Серого. Анатомические загадки Притворщика — это, конечно, жутко интересно, но мёртвому дрессировщику они ни к чему. Если хочу удержать этот кусок земли и защитить своих людей, мне нужен мой собственный актив.

Откладывать больше нельзя. Теперь вплотную займусь шакалом.

Глава 6

Проснулся я рано, когда за окном флигеля ещё серело.

Небо на востоке едва начинало светлеть. В комнате стояли сумерки, и вещи проступали из них смутными пятнами. На соседней кровати ровно дышала Кара. Нойс сегодня ночевал в мастерской у Шипа — повадился таскать туда тюфяк, чтобы с утра пораньше браться за инструмент. Танис спал у себя. Вчера он жаловался на грудь и лёг раньше всех, и я, вставая, задержался у его двери. Оттуда доносилось ровное сопение, и это меня успокоило.

Натянул куртку и вышел во двор.

Прохлада сразу продрала остатки сна. Серый поднялся у порога, где улёгся с вечера, потянулся всем телом — сперва вытянул передние лапы, потом выгнул хребет дугой — и потрусил ко мне. Ткнул морду мне прямо в ладонь и замер, требуя своё.

Я почесал его за ухом и проверил нашу ментальную связь.

Оттуда шло спокойствие. Зверь выпался, у него ничего не болело, и сквозь это тепло пробивалось нетерпение — он ждал работы. Всегда её ждал.

— Сейчас, — сказал ему. — Всё понимаю, но и ты пойми, были дела поважнее. Ты хоть и мой, но ещё щенок. Нашей базы хватает, но немного поработаем. Сперва сделаем обход.

Заодно вызвал окно интерфейса.

Я и без этого помнил список наизусть — он грыз изнутри. Хвоя, слюна, пепел, корень, кровь зверя, моя кровь и костяная стружка. Но всё равно раскрыл его снова. Ни цели, ни награды, ни срока. Собери семь вещей, из которых две продаются за бешеные деньги, а пять не продаются вовсе.

Мать твою... Хотя бы полслова о том, ради чего.

Я закрыл окно и пошёл на обход.

Ходить решил по часовой стрелке. Порядок в голове начинается с порядка в ногах — один и тот же маршрут, одни и те же точки, и глаз сам будет цепляться за то, что изменилось со вчера. Я двинулся к загонам.

Близнецы-дрейки не спали.

Слепой уже поднялся и держал голову набок, поводя ушами. Каждый звук ловил на лету — скрип у колодца, мои шаги за десять метров. Хромой лежал рядом, вытянув больную лапу, и дремал вполглаза. Но я знал: дёрнется брат — и он встанет прежде, чем я успею моргнуть.

— Свои, — бросил я на подходе. — Скоро вас расселим.

Слепой повёл ухом в мою сторону и опустил голову. Хромой даже не поднял своей.

Прошёл дальше.

Полноценный загон Хрома был готов первым — Шип с работниками закончили его вчера к вечеру. Сделали как я и требовал — вход опустили низко, а вдоль стены сделали широкую лежанку. Лишних углов, где можно застрять больной лапой, они не оставили.

Дрейк лежал на свежей соломе.

Он медленно поднял голову, посмотрел на меня и стукнул хвостом по подстилке несколько раз. Узнал.

— Лежи, лежи, — сказал я. — Скоро приду, поработаем.

Обошёл остаток круга — стену, колодец, кормовую, где за глухой перегородкой сидел Притворщик — и вернулся к флигелю.

Пора было кормить Серого.

Вынес его порцию — сушёное мясо, размоченное в воде. Вовремя одёрнул себя не давать дроблёные куриные кости. Да, Серый — дикий хищник с аномальной генетикой. Но трубчатая кость при раскусывании крошится на острые иглы, как стекло. Магический зверь — это

понятно, но, если этот осколок пропорет щенку кишечник, я потеряю свой главный актив из-за банальной лени.

Перестраховка — признак профессионала. Вместо птицы взял тяжёлый тесак и наскоблil губчатой стружки с массивного мослака, оставшегося от кормежки дрейков. Щедро подмешал в миску. Щенок растёт, кальций ему сейчас нужен как воздух, иначе его собственные костяные наросты вытянут все ресурсы из организма, и лапы искривятся.

Серый уткнулся в миску, и я открыл его бестиарий.

Зверь Духа.

Вид: пепельный шакал.

Аномальное существо. Индекс и уровень — отсутствуют.

Связь установлена.

Потребности. Разблокировано.

Корм: 1.2 кг в сутки. Костная нагрузка раз в неделю.

Вода: 0.8 литра в сутки. Ситуативно до 1.5 литра.

Сон: 12–14 часов в сутки.

Активность: 3–4 часа в сутки.

Социальный контакт с хозяином: минимум 2 часа в сутки.

Предупреждение. Дефицит: кальций ниже нормы.

Это всё я знал, но вот остальное, то, что будоражило мою фантазию...

Было заблокировано.

Физическое развитие. Заблокировано.

Требования для аномального существа недоступны.

Навыки и способности. Заблокировано.

Требуется: расширение возможностей взаимодействия с Зверем Духа.

Дрессура и обучение. Заблокировано.

Требования для аномального существа недоступны.

Эволюционные признаки. Заблокировано.

Требования для аномального существа недоступны.

Полный интерфейс. Заблокировано.

Требования для аномального существа недоступны.

Я стоял над жующим щенком и злился на эти строки.

По большому счёту мне говорилось что-то вроде «взял себе проблему на голову, сам и разбирайся».

Хорошо, значит и разберусь сам, благо какие-то знания имелись.

Корма и воды я давал в достатке. Сон в двенадцать-четырнадцать часов проверить трудно, но дрыхнет щенок много и охотно, похоже, что в норме.

А вот дальше пошли провалы.

Требовалось три-четыре часа активности. Шакал носился по двору, обнюхивал углы, гонял ворон, и всё это тянуло от силы на час бестолковой беготни. Целенаправленной работы у него не было вовсе. И не потому что не хотел — а потому что был запас времени это исправить.

Что ещё?

Два часа социального контакта в сутки. Вот тут я с грохотом провалился. Стройка, Совет, Варг, Гордей, пациенты — я наскребал ему час, да и тот урывками: погладил, проверил лапу, побежал дальше. Зверь духа ждал меня, а я всё откладывал его на потом.

Хмыкнул и посмотрел на миску, куда полчаса назад всыпал горсть с мослака. Приятно, чёрт возьми, когда ты делаешь что-то на своём чутье и тебе не нужны тупые подсказки.

Ну хорошо, система давала мне цифры, и я создам из шакала то, чего никогда не создал бы на догадках.

Отдельно перечитал заблокированные строки.

Физическое развитие система держала на замке, да и ладно. Навыки и способности... Без комментариев.

Ну а всё остальное закрыто наглухо. Пять возможностей подряд, и за каждой пряталось то, что делает моего зверя сильнее.

Ключ к первой из них лежал на поверхности. Мне требовалась более глубокая связь, тут очевидно, но это зависит и от возраста щенка, а значит на быстрое развитие можно не надеяться.

Серый вылизал миску дочиста, облизнулся и поднял на меня морду. Он сыто отдувался, но с места не двигался и не сводил с меня глаз — ждал, что будет дальше.

— Ладно, — сказал я и поднялся. — Раз хочешь, так тому и быть.

Первым делом решил, чему больше учить не буду.

«Сидеть», «лежать», «дай лапу» — этот цирк оставим клановым мальчишкам, которые выгуливают зверей по дворам и хвастаются друг перед другом. Связь со Зверем Духа избавляла меня от базы.

Так что дикий хищник обойдётся без таких фокусов.

Мне нужен зверь для разведки и боя. Тот, которого я смогу удержать на месте во время осмотра, когда полезу к нему в пасть или буду шупать сломанную лапу. Значит, учить его надо двум вещам: идти туда, куда я укажу, и терпеть, когда терпеть невыносимо.

Инструмент собрал за пять минут.

Взял длинную палку, оставшуюся от стройки, примотал к концу лоскут светлой ткани. Вышла простая, заметная мишень.

Вынес её во двор и опустил к земле перед Серым.

Щенок сразу потянулся носом к незнакомой штуке. Любопытство у него работало быстрее осторожности — так у всех молодых. Как только его нос коснулся ткани, я громко щёлкнул языком и тут же бросил ему кусок мяса.

Серый схрумкал подачку и уставился на меня.

Я поднял мишень чуть выше и в сторону. Он шагнул за ней, ткнулся в тряпку — щелчок, мясо. Повторил ещё раз, теперь ниже и левее. Щенок развернулся, дотянулся — щелчок, мясо. Он ухватил механику с четвёртого раза, и дальше пошло само.

Работала тут простота связки, а ум малыша был почти ни при чём. Нос коснулся — прозвучал щелчок — прилетела еда. Цепочка держалась на трёх звеньях. Зверь не мучается догадками, он просто складывает причину со следствием, и мы закрепим это намертво.

Через четверть часа Серый уже гонялся за мишенью по всему двору.

Я водил тряпку вверх — он вставал на задние лапы и тянулся. Опускал её к самой земле — он приседал и подлезал. Заводил мишень за его спину — он крутился на месте, забыв про большую лапу. Ради щелчка и куска мяса щенок принимал любую позу, какая мне была нужна.

Вот это и требовалось. Уже знакомый таргетинг. Работало с гривошипом, сработает и здесь.

Обычный клановый зверь в бою бьёт на инстинктах — кидается на то, что ближе, или вгрызается в подставленный щит, пусть и слушает хозяина. Но мне нужно гораздо больше. Мне не нужна собака, которая просто кусает за ногу. Мне нужен скальпель!

Сегодня на конце палки болтается тряпка. Через месяц я заменю её на жёсткую кусалку. А когда он вырастет, эта тряпка станет невидимой. В бою мне достаточно будет указать взглядом или через связь на уязвимый анатомический узел врага — стык брони, открытую артерию, нервный центр — и Серый ударит ровно в эту точку, с точностью до миллиметра. Ему не придётся ничего объяснять или ломать его инстинкты. Он просто пойдёт за невидимой мишенью, потому что его нервная система знает: точный удар в цель означает награду. Я строил управляемую биомеханическую ракету.

Дальше взялся за выдержку.

Эту часть я любил меньше, но она решала всё. Зверь, который при виде еды её просто жрёт — это обычная пасть на четырёх лапах. А вот тот, который держится — уже инструмент.

Я бросил кусок мяса на землю, прямо перед мордой Серого.

Щенок быстро дёрнулся к нему всем телом, на голом рефлекс. Я рывкнул и одновременно вбил по связи глухой запрет: нельзя.

Серый замер.

Он застыл в шаге от мяса, вытянувшись в струну. Всего щенка выкручивало от желания. С подбородка закапала слюна, мышцы на плечах мелко дрожали, задние лапы подрагивали и подбирались под корпус для рывка. Серый тонко, придушенно заскулил сквозь зубы — так скулят, когда терпеть уже нечем.

Но он не двинулся.

Поднял морду и посмотрел мне в глаза, и я держал его взглядом и этим ментальным запретом. Прошло пятнадцать секунд. Слюна капала на пыль, лапы подрагивали, а зверь стоял и смотрел на меня.

— Можно, — ровно сказал я.

Серый рванул к мясу и проглотил его в один укус.

Я повторил ещё раз, потом ещё. С каждым разом пауза росла — за пятнадцатую секундами шло двадцать, потом двадцать пять. Он выдерживал. Страх тут ни при чём — щенок просто понял, что щелчок и разрешение приходят от меня, и так будет всегда, если подождать.

Через сорок минут работы пришлось остановиться.

Укрепление связи с Зверем Духа: +5.

Система отсыпала мне крохи. Но она подтвердила главное — я иду верной дорогой. Каждая такая крошка означала, что связь между нами крепнет так, как задумано. Вот только никакой шкалы прогрессии не было, либо я её ещё не видел, так что придётся идти по приборам.

Опустился на землю рядом со щенком.

Социальный контакт с хозяином: минимум 2 часа в сутки.

Что ж, если даёт хоть какую-то подсказку, грех отвергать это.

Посмотрел на строящуюся стену и снующих рабочих, которые то и дело косились на нас. Дел была гора. В прошлой, земной жизни, я бы уже вскочил и побежал проверять сметы или заниматься зверьём. Но здесь правила диктовала физиология Зверя Духа. Не досижу — не получу следующего уровня доверия и связи.

Прислонился спиной к теплему камню флигеля и вытянул ноги.

Вынужденный простой.

Серый потоптался и тяжело привалился к моему бедру.

Час прошёл незаметно. Потом пошёл второй. Щенок вылизал переднюю лапу, повозился, устраиваясь поудобнее, и наконец положил морду мне на бедро. Он тяжело вздохнул, как собака, которая укладывается надолго, и обмяк всем телом. Через минуту малыш засопел, изредка дёргая лапой во сне.

Я не шевелился.

Двор жил своей жизнью. У стены стучали молотки — работники поднимали кладку в северо-восточном углу. От кормовой тянуло дымом и варевом. За загонами Кара гоняла Сирку через препятствия — сложила из брусьев барьер, и гончая раз за разом брала его, а сестра подгоняла её голосом и смеялась.

Внутри у меня стало спокойно.

Первый раз с той минуты, как я очнулся в чужом теле, мне не хотелось никуда бежать. Я сидел на своей земле, с тёплым зверем на коленях, и понимал странную вещь — я дома.

На землю рядом легла тень.

Шип подошёл со стороны загонов, увидел спящего Серого и остановился в трёх шагах. Он ничего не сказал, только коротко кивнул мне — укротитель понимал такие вещи без объяснений.

— Хромом можно заняться, — сказал он вполголоса. — Загон я проверил, подстилку сменили на новую. Начнёшь?

— Да, — сказал я. — Позови Кару и скажи ей взять ведро рубца.

Когда я начал подниматься, Серый недовольно заворочался, но будить пришлось.

Подошёл к загону Хрома.

Старик лежал на новой подстилке и следил за нами. В Яме к взрослым дрейкам заходили только толпой — четверо мужиков, крики, лязг, зверя загоняли в угол и держали, пока пятый делал своё дело. Раз в месяц кому-нибудь при этом ломали руку, и это считалось нормой работы. Дилетанты называли такое укрощением.

Будем работать иначе.

Дрейк весит вчетверо больше меня и бьёт хвостом быстрее, чем я успею отскочить. Значит, лезу внутрь только тогда, когда голова зверя занята чем-то другим, а не мной.

Кара подошла с ведром.

— К дальней стенке, — показал я. — Встань снаружи, за решёткой. Поставь ведро так, чтобы он дотягивался мордой, и стой рядом. Разговаривай с ним.

Сестра всё сделала быстро, она давно перестала спрашивать зачем.

Рубец потянул запахом, и Хром поднялся.

Старый дрейк дохромал до дальней стенки, сунул морду сквозь прутья и зачавкал. Его голова целиком ушла в ведро, уши прижались, хвост обмяк. Голод перебил в нём всё остальное — сторожевой инстинкт, недоверие к чужим и память о цепях.

Я вошёл в загон сбоку, тихо, по касательной к его корпусу.

Не делал ни одного резкого движения и не совался в слепую зону за хвостом. Опустился на корточки у правой задней лапы, положил ладонь ему на бедро — чтобы знал, что кто-то есть — и запустил Анализ.

Пульс: 61.

Частота дыхания: 15.

Температура: 38.4.

Мышечный тонус. Правая задняя лапа: 44%. Левая задняя: 79%.

Поверх контура лёг слой «Ветеринара Юга», и сустав раскрылся передо мной как на вскрытии.

Хрящ истончился почти до прозрачности — там, где у здорового зверя лежит упругая подушка, у Хрома осталась стёртая плёнка. Сосуды вокруг набухли и налились багровым: воспаление шло годами, никто его не гасил, и оно спокойно грызло бедолагу изнутри. Стихийные каналы, что шли к лапе от позвоночника, сузились до тонких оранжевых нитей и не работали. Мышцы вокруг сустава окаменели — тело зажало больное место в тиски и держало так, чтобы не двигать.

Я подтянул к себе плоску с горячим отваром.

Развёл ту самую мазь Буко кипятком до жидкой кашицы, обмакнул в неё сложенную ткань и приложил компресс к суставу. Желчь гиен берёт своё — она гонит кровь в кожу и разгоняет застой.

Хром дёрнулся.

Непривычное тепло его напугало, старик подобрал лапу и коротко рыкнул в ведро, не отрываясь от рубца. Я придержал компресс ладонью и дал ему привыкнуть. Через минуту зверь снова зачавкал.

Процесс пошёл.

Сосуды вокруг сустава начали расширяться, багровое пятно посветлело и растеклось шире — кровь пробивалась туда, куда годами не доходила. Вот этого я и ждал.

Теперь начиналось самое неприятное.

Я убрал ткань и взялся за окаменевшие мышцы. Гладить тут бесполезно — под пальцами лежали жгуты, которые за годы задубели и держали сустав мёртвой хваткой. Их надо было продавливать. Нашёл край первого жгута, упёрся большими пальцами и медленно пошёл вглубь, с нарастающим нажимом, до самой кости.

Хром зашипел.

Из ноздрей ударил пар. Старик оторвался от ведра и вывернул шею назад, ко мне, и в глазах у него плеснуло всё сразу: боль, злость и та ярость, из-за которой люди в Яме таскали цепи.

— ГРРРРРРРРРР.

Кара за решёткой напряглась. Шип шагнул вперёд.

Я опустил глаза на уровень его груди, чуть отвернул лицо, чтобы не фонить адреналином, и положил вторую ладонь ему на основание челюсти, там, где под толстой чешуей прятался узел тройничного нерва.

Жёстко, всей пятернёй, вдавил пальцы в сочленение.

Раз.

Два.

Три.

Ритмичное, точечное давление. Добавил к этому низкочастотное гудение связками — просто глухой рокот в груди. Вибрация крупного, спокойного сородича. У рептилий сенсорики завязана на вибрации костей черепа. Я перегружал его рецепторы монотонным сигналом, принудительно гася вспышку агрессии в примитивном мозгу. Боль в лапе никуда не делась, но фокус внимания дрейка сместился.

Прошло несколько секунд, и Хром моргнул. Второе, прозрачное веко медленно наплыло на глаз.

Пар из ноздрей пошёл слабее, челюстные мышцы под моими пальцами расслабились. Ярость ушла, сменившись тупой покорностью инстинкту. Он повернулся к ведру и снова зачавкал, а я вернулся к окаменевшим жгутам на ноге.

Шип шумно выдохнул.

Дальше пошло легче. Я продавил три жгута по очереди, разбил самые тугие узлы и всё это время следил, как расходится кровь. К концу процедуры оранжевые нити стихийных каналов чуть раздались вширь, но так и не замерцали.

Я вытер руки и вышел из загона.

Хром расслаблено лежал на подстилке, вытянув правую заднюю лапу — впервые за все дни, что я его знал. Она даже распрямилась чуть больше, чем вчера.

— Ты чего с ним делал? — спросил Шип. Голос у него сел. — Он же тебя убить хотел.

— Хотел, — согласился я. — А потом передумал.

— Так не бывает.

— Бывает, если зверю понятно, что происходит. — Я забрал у Кары пустое ведро. — Он не понимает слов, зато отлично читает намерение. Пока я работаю спокойно и не сомневаюсь — он терпит. Так что, ты всё ещё хочешь поговорить о методах? Захочешь поучиться, скажешь.

Шип покачал головой и промолчал.

Я оглянулся на загон. Один компресс и один сеанс ничего не решают — так, сдвинули прогресс на ноготок. Хрящ у него уже не отрастёт, годы не вернуть. Но кровь я туда пустил, мышцы разжал, и если делать это каждое утро, без пропусков, то через месяц дрейк начнёт нормально ступать на лапу. Через два — забудет, что хроمال.

— Хром достаточно привык к нам. Будешь так делать каждое утро, Шип, без единого пропуска, — я не стал ждать ответа и направился к Танису, который копошился в саду.

Старик стоял по пояс в крапиве, в грубых рукавицах, и с натугой тянул толстый стебель. Работал он на чистом упрямстве. Лицо пошло красными пятнами, а грудная клетка ходила ходуном.

Я мысленно выругался. С его вчерашней аритмией такая становая тяга — прямой билет в могилу.

— А ну брось, — рявкнул я, подходя ближе. — Тебе, с твоим сердцем, нельзя так упакиваться!

— Рик! — Танис выпустил траву и оперся руками о колени, тяжело дыша. Глаза у него, впрочем, горели лихорадочным блеском. — А ты вовремя. Иди-ка сюда. Покажу тебе кое-что.

Я шагнул к нему, машинально бросив взгляд на пульсирующую жилку на его шее. Частит. Но мотор пока держит.

Танис повёл рукой вдоль расчищенной полосы. Из земли торчали остатки грядок — низкие каменные бортики, выложенные ровными прямоугольниками.

— Пески сажали, — сказал старик, переводя дух. — Я так и думал, что найду! У всякого хорошего клана при питомнике травник стоял.

Он опустился на корточки и разгрёб рукавицей землю у бортика.

— Вот. Огневик.

Из-под сора поднимался кустик с красными резными листьями. Танис даже в рукавице тронул его осторожно, лишь кончиком пальца.

— Голой рукой не бери, — предупредил он. — Жжётся так, что к вечеру волдыри пойдут, а к утру пузыри сойдут коркой. Пацаном я его хватанул раз — неделю ложку держать не мог. Но ежели его в жир, да растереть как следует, и настоять — мазь получается лютая. Разогревает до костей. Старикам спину ею мазали, они после неё день работали как молодые. Может тебе подойдёт под твой труд? Ты ж у нас Смотритель оригинальный.

Я присел рядом и осмотрел куст. Листья набирали цвет, корень сидел крепко — растение само прижилось. Его живучесть меня и порадовала.

— Дальше пошли, — Танис попытался резко встать, но я жестко положил руку ему на плечо, осаживая.

— Сиди. Сам посмотрю. Показывай пальцем.

— Ладно, — он кивнул в сторону. — Вот эта — Костоправка.

Он показал на невзрачную серую поросль у второго бортика. Сверху смотреть было не на что.

— Кажется, что так себе, да? — согласился старик, поймав мой взгляд. — А ты копни.

Я поддел землю ножом и вытянул корень.

Он оказался жёстким и витым, как кусок проволоки. Согнул его в пальцах — он спружинил обратно и не сломался.

— Алхимики за неё бешеные деньги дерут, — сказал Танис. — Кость срачивает вдвое быстрее. Не чудо, конечно, само не срастётся, но ежели зверю лапу сломали и правильно сложили, то на Костоправке он встанет через полсрока. Клановые её мешками закупают. Особенно после Прилива, сейчас на рынке дорогая.

Я присвистнул, уже считая в уме.

А я ведь готовые составы покупаю. Всё, чем буду лечить зверей, беру у чужих людей за чужую цену, и каждая мазь съедает мой карман. А тут задаром растёт своё сырьё! Наладить полив, вычистить грядки, поставить навес от солнца — и через сезон я гоню мази сам. Себе-стоимость упадёт втрое, а то и вчетверо. Не считая того, что излишки уйдут Варгу и лягут в те самые поставки, которые я ему обещал.

Клан Песка развёл этот сад для себя, а достался он мне.

— Танис, — сказал я и выпрямился. — Ты понимаешь, что ты сейчас нашёл?
Старик пожал плечами.

— Сад нашёл.

— Ты нашёл нам деньги. — Показал ему корень. — Вот это, — я кивнул на грядки, — стоит дороже всего, что у нас есть, кроме зверей. Мы перестанем покупать мази. И начнём их продавать.

Танис моргнул.

Он посмотрел на грядки, и что-то в нём переменилось. Плечи, которые старый подсобник всю жизнь держал сутулыми, разошлись и встали ровно. Подбородок поднялся. Человек вдруг сделался выше ростом.

— Так это... — Он откашлялся. — Я рад, что полез, с жалованьем ты не обижаешь. Мазям всем научу. Есть и ещё травы, но те потом покажу. Тут работы-то на пару дней, Рик. Полить надо, землю поднять, сорняк повывести подчистую. Но одному мне не потянуть.

— А больше ты один и не будешь, упрямый старик. — Я огляделся и нашёл глазами мальчишку у мастерской. — Нойс!

Мальчишка подбежал.

— Сделаешь навес над этими грядками. Лёгкий, на четырёх столбах, чтобы солнце не жгло рассаду. Материал возмёшь у Шипа. Слушаться будешь Таниса — он тут главный. Теперь ты по саду работаешь, старику не давай усердствовать.

Нойс глянул на грядки, кивнул и побежал за инструментом.

— Я главный, — повторил Танис негромко, будто пробовал слово на слух.

— Главный, — подтвердил я. — Сад твой. Что растить, где растить, чем поливать — решаешь сам. Мне нужен результат и рецепты. И ещё вот что: то, что ты уже засушил и наварил — держи отдельно. Скоро понадобится.

— Хорошо, — оживился старик. — У меня там и отвары стоят, и концентраты кой-какие. Я ж не сидел без дела, пока вы стены ваши латали.

Он вытер лоб рукавицей и снова полез в крапиву — уже без прежней одышки, будто мои слова понесли его вперёд.

Я постоял, глядя на него.

А ведь люди умирают не от старости. Они умирают, когда становятся не нужны. Полгода назад Танис доживал свой срок с метлой в руках и точно знал, когда всё кончится. Сегодня он прикидывал, что посадит весной.

Может, и протянет он дольше, чем сам себе отмерил. Если побережёт здоровье.

К полудню меня нашла Кара.

— Обед готов, — сказала она. — Идём, пока горячее.

Мы сели у костра посреди двора. Сестра сварила похлёбку, разлила по мискам, и я ел молча, глядя на стену. Кара не мешала — в последнее время мы немного отделились. Я знал, что у неё были свои взгляды на происходящее, на Соляной и на тех двоих в плаще.

— Рик, меня напрягают эти топтуны за стеной, — всё-таки не выдержала она, скребя ложкой по дну. — Кто-то пасёт нас, а мы сидим.

— А что ты предлагаешь? Бегать за ними по подворотням? — сухо ответил я. — У нас нет ни людей, ни времени на контрразведку. Пусть смотрят. Пока мы внутри периметра, мы в своём праве. И запомни, никогда не недооценивай врага, тем более неизвестного. Сирка и Серый слабы, Шип жуёт траву, и из боеспособных у нас только ты, да я. Так что лучше доедай, ты мне сейчас понадобишься.

Она поджала губы и демонстративно отвернулась.

Серый уже поел и валялся в тени, вытянув лапы и подставив брюхо ветру. Он лениво приоткрыл один глаз, поглядел на наши миски и снова его закрыл.

После обеда мы пошли к Близнецам, и я запустил Анализ по обоим сразу.

Пульс: 68 / 71.

Частота дыхания: 16 / 17.

Температура: 38.1 / 38.2.

Мышечный тонус был в норме.

Внимательно прошёлся по анатомии каждого. Оба звери были здоровы — сосуды чистые, ни кровоизлияний, ни застоя. Нервы шли ровными жёлтыми пучками, без спазмов и мёртвых участков. А вот у слеповатого нервные пучки, что тянулись от ушей, набухли и светились ярче нормы. Тело компенсировало потерю зрения, и чересчур щедро — этот зверь слышал так, как здоровому не снилось. У хромого налились жевательные мышцы. Лапа подводила, а пасть работала как капкан.

Природа сама поделила между ними обязанности. Один слушает, второй кусает.

Мне оставалось это закрепить.

— Кара! — позвал я. — Выйди за ворота и пошуми там. Не подходи близко, просто погрем чем-нибудь.

Сестра вышла и стукнула палкой по камню.

Слепой развернулся в её сторону раньше, чем стих звук. Уши встали торчком, шея вытянулась, всё тело подобралось. Хромой поднялся вместе с братом, и оба напряглись, глядя на ворота.

— Свои, — сказал я.

Они разом обмякли. Слепой опустил голову, хромой лёг обратно на своё место.

Я повторил ещё раз, и ещё. Каждый раз они срабатывали одинаково: шум — стойка — и отбой по моему слову. Пара работала как единый механизм, где один звонок, а второй молот.

Но всё это лишь теория, дрейки слишком долго были не у дел.

Решил проверить их по-настоящему.

Взял кусок мяса, обошёл двор кругом и подошёл с внешней стороны, стараясь, чтобы меня не разглядели в лицо. Снаружи шёл кто-то чужой, и слышались только его шаги.

Слепой поднял уши, грудь раздулась для рыка. Я не стал ждать, пока он поднимет тревогу, и резко свистнул сквозь зубы — два раза, с особым переливом.

Услышав свист, Слепой вздрогнул. Рефлекс, который я вдальбивал им весь вчерашний день на пару с выдачей мяса, сработал, но с задержкой. Зверь шумно втянул воздух, распознал мой запах, перекрывающий запах чужака, и с явной неохотой опустил морду. Хромой, ориентируясь на брата, тоже лег, хотя глухое ворчание в его груди еще klokотало.

До идеала еще далеко.

Я усмехнулся и вышел на свет.

В реальном бою или при сильном стрессе этот суточный рефлекс слетит к чертям, и они кинутся рвать. Но фундамент заложен. Зверь, который лает на всякий шорох и не слышит хозяина — бесполезная тварь. Через месяц они будут садиться по этому свисту даже если перед ними положить свежую тушу.

К концу дня обошёл всех ещё раз.

Серый спал возле загона Хрома, у самых лап старого дрейка, снаружи. Оба даже не пошевелились, когда я подошёл. Щенок принял старика в стаю, а старик не возражал — лежал и грел его боком. И это было странно.

Притворщик сидел за перегородкой в кормовой. Тихий, неподвижный, он наблюдал за мной через щель, и в темноте поблёскивали его глаза. Тварь ждала своего часа, и я это знал.

Так и сложился наш распорядок.

С рассвета я шёл на обход по часовой стрелке. Потом занимался Серым — час, полтора, как выйдет, но каждый день и без пропуска. Хрому доставались компрессы и массаж по утрам, Близнецам — тренировка. В жару мы отдыхали. Вечером я обходил территорию заново. Ночью дежурили по очереди.

Дни пошли один за другим, похожие и всё-таки разные.

А через две недели работники закончили первый этап строительства и решили проверить меня на прочность.

Но даже не это важно.

Просто вскоре случилось то, что изменило всё.

Глава 7

Кормовая заработала — печь уже тянула, жёлоб держал воду, пол отмыли до камня. Колодец мы расчистили до дна, вода в нём поднялась чистая и холодная. Четыре загона с новыми решётками были готовы. Пролом в стене закрыли наглухо.

Я вышел рассчитывать.

У ворот собралась вся бригада. Впятером — потные, пыльные и довольные окончанием. Впереди стоял бригадир по имени Арунд, здоровенный мужик с плечами шириной в дверной проём и с руками, которые двадцать лет таскали камень.

Отсчитал деньги и молча протянул ему.

— Одиннадцать, — сказал бригадир, пересчитав. Лицо его начало наливаться кровью. — Уговор был на шестнадцать!

— Уговор был на шестнадцать за две недели и четыре загона в срок, — ответил я. — Третий загон вы сдали на два дня позже. Пять золотых — штраф за срыв. Остальное ваше.

Бригадир шагнул ко мне и навис сверху.

— Ты чего удумал, парень? — Голос у него сел до рыка. — Я тебе тут стену подымал. Я тебе колодец до дна выгреб. И ты меня кидаешь на пятёрку? Чёртов сопляк-подсобник с «Ямы»!

Он придвинулся ближе, дыша мне в лицо.

— Знаешь, что будет? Я по всему городу слух пушу, что в Соляном работяг кидают. Что новый смотритель платит через раз и режет расчёт как ему вздумается. К тебе ни один мастер не пойдёт, хоть золотом сыпь. Ни одного клиента не будет! Понял меня?

За моей спиной лязгнуло.

Кара наполовину выдернула меч из ножен. Так и не научилась спокойствию.

Серый вышел вперёд и утробно зарычал, прижав уши. Работники за спиной бригадира подобались.

Я поднял руку, останавливая своих.

Мне даже не стало страшно. Передо мной стоял крупный примат, который решает вопросы криком и массой, потому что другого способа не знает. Такие орут, багровеют и надуваются, показывая себя больше — точно так же делает гривошип, поднимая шипы веером. Но гривошип был обуздан.

Но передо мной человек — а значит думает.

А значит, с ним можно говорить.

— Пускай слух, — сказал я спокойно. — Только давай сперва подумаем, чей слух в этом городе весит больше.

Бригадир моргнул.

— Я — ставленник Клана Жала, — продолжил, глядя ему в глаза. — У меня договор с печатью барона Корфа. Две недели назад Канцелярия Совета выдала мне официальную регистрацию. А ты — простой каменщик, которого мне нашёл Варг. Ну, а теперь представь, куда ты лезешь. Что будет с твоими заказами, когда все узнают, что твоя бригада два дня пила вместо работы?

— Мы не пили...

— Пили. — Я не повысил голоса. — Восьмой и девятый день. Шип вёл учёт, он же вас и сдал, потому что человек верный. Вот за те два дня у вас и не прибавилось кладки. Мне продолжать?

Бригадир промолчал.

— Дальше. Задачу вы слушать тоже не умеете. Вы начали строить второй загон на метр левее, чем стояло на плане, и переделывали за свой счёт. Раствор в западной кладке лежит

криво — я велел перебрать, и вы перебрали. Я не вычел с вас за это ни монеты, потому что переделали вы сами. Штраф взял только за срок. Всего один штраф, за одно нарушение.

Сделал шаг вперёд, и теперь уже он чуть отступил.

— А теперь выбирай, — сказал я. — Первый вариант: берёшь свои одиннадцать монет, уходишь спокойно, и я скажу Варгу, что бригада работала честно и косяк был мелкий. Вскоре я буду поднимать главный дом и снова позову людей. Кто знает, может ими будете вы, потому что, если ты согласишься, мне будет проще. Второй вариант: ты идёшь трепать своим бес-толковым языком. Тогда я иду к Варгу и говорю, что твои люди пили на моей стройке. И к барону, если понадобится. Из-за пяти монет ты потеряешь работу у единственного в этом городе питомника, который сейчас строится, и репутацию у человека, через которого ты эту работу получил. Мне не сложно это сделать, просто потому что ты посмел раскрыть свой рот.

Я посмотрел ему прямо в глаза и протянул монеты.

— Пять золотых или твоё имя. Выбирай, Арунд, ты же не дурак.

Бригадир долго смотрел на меня и играл желваками.

Ярость требовала ударить, а голова уже подсказывала, чем это кончится. Разум победил. Он медленно взял деньги, ссыпал в карман и сжал челюсти.

— Пошли, — бросил он своим.

Бригада потянулась за воротами. Никто не сказал ни слова.

Кара задвинула меч обратно в ножны.

— Он тебя чуть не сожрал, — с иронией хихикнула она.

— Не сожрал бы, — ответил я и посмотрел вслед уходящим. — Он мужик неглупый. Просто сперва орёт, а потом включается голова.

Остаток дня мы приводили двор в порядок после стройки. А следующее утро началось иначе — без стука кирок и мата рабочих. Над Соляным висела непривычная, гулкая тишина, пахло свежей известью и влажным камнем от вычищенного колодца. Питомник был готов к работе. Не хватало только самой работы.

Я возился в мастерской, когда Слепой вдруг вскинулся. Он втянул носом воздух и глухо, предупреждающе заворчал, переступая лапами. Хромой тут же подобрался.

Вышел во двор. Из-за ограды доносилось тяжёлое, хриплое дыхание и звук волочашейся по камням когтистой лапы. Кто-то топтался снаружи, не решаясь постучать.

Я ухватился рукой за ножны, отодвинул засов и распахнул створку.

За оградой стоял приземистый мужик с зелёными татуировками Мастера в добротной, но потертой кожаной куртке. От него несло портовой сыростью, дешёвым табаком и кислым запахом звериного пота. А рядом с ним, низко опустив тяжёлую морду, переминался рабочий дрейк. Молодой, с широкой грудью, но сейчас его глаза были подернуты мутной пеленой, а из пасти тянулась вязкая слюна.

Мужик мялся, разглядывая меня с явным сомнением — видимо, ожидал увидеть седого старца-знахаря, а не молодого парня.

— Я Мард, — представился он, откашлявшись. — В порту болтают, у вас тут новый Смотритель завёлся. Толковый будто бы. Правда или брешут?

Похоже, Варг сдержал слово. Слух пошёл ровно оттуда, откуда обещал делец — с портовых рядов.

Я бросил быстрый взгляд на дрейка. Зверь был истощен, но, если у него от боли сорвет крышу, он разнесет мне половину двора.

— Заводи, — коротко кивнул. — И сразу води вон туда, во второй загон. К стене его прижми. Шип, Кара! На выход, клиент пришел!

Мужик с трудом затянул вялую тушу в новый каменный бокс. Я закрыл за ними решетку, оставив себе пространство для маневра. Правило номер один: никогда не лечи крупного хищника на открытом пространстве.

— Что с ним? — спросил я, подходя вплотную.

— Его зовут Угорь. — Мард почесал затылок. — Три дня не жрёт. Совсем. Его кракелюр в дуэли тяпнул за переднюю ногу, я рану промыл, травами обложил, как знахарь сказал. Рана вроде подсыхает, а зверь гаснет на глазах. Работать не может, воду не пьёт толком. Я его за восемьдесят золотых брал. Он мне всю поклажу возит.

Я обошёл дрейка кругом. Так себе экземпляр, конечно.

Голова у него висела, шея обмякла, шкура потеряла блеск. Зверь стоял, но через силу, перенес вес на три ноги. Правую переднюю берёт и почти не нагружал. Чуть выше запястья темнел затянувшийся след укуса, с виду совсем чистый.

Знахарь и вправду обработал рану как положено. Только лечил он не то.

Пульс: 94.

Частота дыхания: 26.

Температура: 39.7.

Мышечный тонус. Передний плечевой пояс: 51%. Правая передняя: 38%.

Взглянул глубже.

Рана снаружи затянулась, но внутри творилась беда. От места укуса вверх по ноге расходилось багровое зарево — сосуды набухли и воспалились по всей длине конечности, и всё это доползло уже до плеча. Нервные пучки в этой зоне светились рвано, с провалами. А стихийные каналы, что шли к правой передней от позвоночника, перекрыло начисто: оранжевые нити упирались в мутную пробку выше запястья и гасли, не доходя до лапы. Нет, конечно, они не работали — стихии этому зверю не видать, но это влияло на общее состояние здоровья у каждого зверя.

Я задержался на этой пробке.

Яд кракелюра работал не как гниль. Гниль дала бы нагноение, запах, отёк вокруг раны — ничего этого тут не было. Шло какое-то разъедание изнутри. Ровное и ползучее оно жгло ткань и запечатывало стихийные узлы, как воск горлышко.

Кислота.

Знахарь три дня обкладывал зверя травами и молился, чтобы помогло. А зверя всё это время медленно сжигало изнутри, и Угорь не жрал, потому что тело бросило все силы на один пожар.

Кислоту гасят щёлочью. Но яд уже в крови, вливать щёлочь в глотку — значит сжечь зверю желудок. Тут нужен комплекс: нейтрализовать остатки в ране и заставить почки вымыть дрянь из кровотока.

— Танис! — рявкнул я. — Пепельную вытяжку, самую слабую! Белую глину и ведро воды! Кара, тащи распор!

Команда сработала без задержек. Мы зашли в загон.

— Шип, вали его к стене, фиксируй шею! — скомандовал я. — Кара, как только он откроет пасть — вбивай распор за клыки и держи рычаг!

Укротитель навалился на дрейка всем весом. Угорь хрипло взревел, попытался мотнуть башкой, но Шип жестко впечатал его чешую в свежую каменную кладку. Кара с лязгом вогнала распор ему в пасть, фиксируя челюсти открытыми.

Я быстро развёл белую глину в воде до состояния густой сметаны.

— Вливай ему прямо в глотку, понемногу, чтоб не захлебнулся! — я бросил сестре ведро. Яд, циркулируя в крови, частично сбрасывается через слизистую желудка — глина сработает как губка, не дав ему всосаться обратно.

Сам опустился к больной лапе. Земля под коленями была в дорожной пыли. Сорвал знахарские повязки — в нос тут жешибануло прелой травой и едким духом разъеденного мяса. Взял плоску со слабой пепельной вытяжкой — лёгкой щёлочью — и плеснул прямо в рану.

Угорь взвился. Дрейк забил хвостом по решетке так, что зазвенел металл. Кара повисла на распоре, удерживая морду. Раствор в ране глухо зашипел, пузырясь и нейтрализуя остатки кислоты в тканях.

— Танис, Огневик! Свежую кашу, обложи вокруг раны, но не в саму дыру!

Старик трясущимися руками навалил жгучую смесь вокруг укуса и туго перетянул холстиной. Огневик драл кожу как раскалённое железо — я знал это, в том и был смысл. Жар расширяет сосуды.

На биологическом контуре дрейка пошла настоящая лавина.

Сосуды вокруг укуса раздулись вдвое, багровое зарево вспыхнуло ярче — кровь хлынула в обожжённое место со всего тела. Усиленный кровоток срывал застой, вымывая токсины из тканей и гоня их к почкам и кишечнику, где их уже ждала глина.

Я стоял на коленях в грязи, держа руку на шее зверя, и следил за цифрами.

Пульс: 88. 81. 74.

Оранжевые нити дрогнули. Мутная пробка начала таять с краёв, и первый тонкий ручеек пробился к лапе.

Угорь шумно, со свистом выдохнул. Его крупная дрожь начала униматься. Он перестал биться о стену и тяжело осел на камни. Когда Кара вытащила распор, зверь лишь скосил помутневшие глаза на остатки чистой воды в ведре и слабо, инстинктивно потянулся к ней мордой. Рефлекс глотания вернулся. Блок был снят.

Пил он долго и жадно, впервые за три дня.

Мард стоял у стены и молчал. Он смотрел на всё это круглыми глазами — на распор, на склянки, на Таниса с плоской и меня, отсчитывающего удары пульса.

— Смотритель... — выговорил он наконец. — Это чего было-то? Знахарь мне три дня травы жёг и заговоры бубнил, а вы... вы будто телегу чинили.

— Телегу и чинил, — сказал я. — В нём кислота была и жгла тварь изнутри. Сказал бы тебе, в чём смысл, да не буду — не в моих правилах.

— И всё? Он теперь жрать станет?

— Сегодня к вечеру. — Я вытер руки. — Кашу менять раз в сутки три дня подряд, я дам с собой. Через неделю приведёшь — проверю. Работать ему пока не давай, пусть ходит порожняком.

Мард полез за пазуху и, не торгуясь, отсчитал десять золотых.

— Держите. И вот что, Рик... — Он оглянулся на своего дрейка, который допивал воду. — Я в порту скажу. У меня там знакомых полно, и у всех твари. Вы такое лечите — а они по знахарям бегают! У многих тваридохнут, а это огромные траты!

Он увёл Угря за ворота, а я стоял и смотрел им вслед.

Первые чужие деньги за чистую работу. Ко мне пришёл человек с проблемой, и я решил её. Да так, что он переплатил.

Подошел к бадье с водой и начал смывать с рук остатки глины и пепельной вытяжки. В кармане тяжелели первые десять золотых, заработанные чистым профессиональным знанием. Ко мне пришёл человек с проблемой, и я решил её на своей территории.

Соляной начал окупать вложенный в него камень.

Солнце клонилось к закату, окрашивая двор в рыжие тона. Рабочий день заканчивался, двор затихал, и, вытирая руки ветошью, поймал себя на том, что мысли снова возвращаются к списку моей эволюции.

Шестая строка требовала мою собственную кровь, взятую в час перелома. Когда этот час придёт, я не знал — на то он и перелом, что не приходит по расписанию. И вот тут выходила техническая загвоздка: кровь надо во что-то собрать. Не в ладонь же её ловить и не в первую попавшуюся склянку. В глине она свернётся, в дереве протухнет, а в металле схватит привкус железа.

Я чуть не зарычал, потому что...

Загон стоял пустой.

Подошёл и осмотрел всё сам, шаг за шагом. Решётка держалась целой — ни одного погнутого прута, ни одного выломанного крепления. Замок висел на месте, он был заперт, а ключ от него лежал у меня! Стены целы. Пол целый.

Зверя не было.

— Сбежал, — выдохнула Кара. — Рик, он сбежал! Тварь по городу гуляет, ты понимаешь?! Помнишь правила, которые советовала изучить Мельса? Господи, Рик... Люди же... Нам хана!

Я стоял над запертым замком и молчал. Мой взгляд скользил по металлу. Как?! Зверь не открывает замки снаружи и не проходит сквозь сталь.

Похоже, тут поработали ловкие, тихие руки. И я сразу вспомнил о тех плащах.

Но мозг зоотехника уже сверлила другая, более страшная деталь.

Почему такая тишина?

Я резко развернулся и зашагал к близнецам.

Они лежали на своих местах. Слепой, который вчера слышал мои шаги за десять метров, спал, уронив морду в пыль. Я подошел вплотную и пнул решетку ботинком. Дрейк даже не повёл ухом. Только тяжело, со свистом выдохнул.

Я опустил на корточки и втянул воздух носом. На фоне привычного запаха псины, извести и утренней сырости едва уловимо тянуло сладковатой, тяжёлой гнильцой.

Какой-то незнакомый запах. Даже не алкалоид. Что-то вроде сонной пыльцы местного мира?

Бросил взгляд к стенам флигеля — Сирка и Серый тоже дрыхли так, что их можно было четвертовать, а они и не заметят.

В памяти снова всплыл чёрный плащ у стены. И серый плащ в толпе среди бела дня. Так нас не прощупывали? Оценивали перед кражей?

— Да нет, сестрёнка, не сбежал, — наконец ответил я, поднимаясь с корточек. Голос прозвучал пугающе ровно, хотя внутри всё сжалось в ледяной ком. — Его украли.

— Украли? — Кара непонимающе заморгала. — Кому нужен этот урод?

— Мать твою... — Шип, только что вышедший из мастерской и оценивший спящих дрейков, сплюнул на землю. — И что делать, Рик?

Я смотрел на пустой загон. В голове билась только одна мысль. Тот, кто забрал Притворщика, думает, что украл просто редкого монстра. Они не знают того, что видел я. Не знают про то, что эта тварь — искусственная биомеханическая химера, созданная кем-то очень умным для очень страшных целей.

У меня вынесли взведённую бомбу.

— Что делать? — я повернулся к Каре и Шипу. — Кто бы это ни сотворил, они только что вскрыли чужой сейф с чумой, и когда эта дрянь рванет, виноватым Совет сделает меня. Мы должны найти их раньше, чем тварь проснется и начнёт жрать город.

Глава 8

— ...Н

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.